

ЧЕТЫРЕ ЗАПИСКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

ОИ ДѢДЪ, И. В. Погоржанскій, правовѣдъ второго выпуска, по окончаніи училища, почти непосредственно со школьной скамьи, получилъ назначеніе въ гор. Тобольскъ.

Изъ печатаемыхъ очерковъ видно, что онъ близко сошелся съ жившими тамъ уже на поселеніи декабристами.

По натурѣ въ высшей степени впечатлительный, И. В. Погоржанскій глубоко прочувствовалъ всѣ нравственныя переживанія, выпавшія на долю декабристовъ, и съ юношескимъ увлеченіемъ передалъ слышанное и видѣнное имъ въ формѣ живыхъ бесѣдъ и очерковъ.

Эти записки касаются эпохи 1844—1847 гг. и составлены уже въ Гроднѣ въ 1847 году, очевидно, по дневнику и замѣткамъ.

До сего времени записки хранились моей матерью и не публиковались, несмотря даже на усиленную просьбу бывшаго редактора «Русской Старины» Михаила Ивановича Семевского, такъ какъ одинъ изъ членовъ семьи декабриста Анненкова просилъ мою мать повременить съ ихъ опубликованіемъ, пока живы еще нѣкоторые лица, упоминаемые въ первыхъ двухъ очеркахъ.

Самъ Анненковъ уже по возвращеніи изъ Сибири съ большимъ интересомъ читалъ эти записки и выражалъ моей матери удивленіе, что бесѣды его съ дѣдомъ моимъ оставили въ душѣ тогда еще очень юнаго человѣка такой глубокой слѣдъ.

Въ настоящее время, послѣ многихъ десятилѣтій, конечно, исчезли основанія не печатать записокъ И. В. Погоржанскаго. Къ тому же, несмотря на все публиковавшееся уже о декабристахъ, записки моего дѣда, несомнѣнно, представляютъ интересъ для читателей не только потому, что въ нихъ заключаются непосредственныя и яркія впечатлѣнія о декабристахъ молодого образованнаго человѣка, но также какъ характеристика того поколѣнія, представителемъ котораго являлся И. В. Погоржанскій, и отношенія этого поколѣнія къ предшествовавшему.

Фамиліи лицъ въ запискахъ обозначены только инициалами, но возстановленіе ихъ не представляетъ затрудненій, такъ какъ онѣ общеизвѣстны.

Тѣмъ не менѣе для удобства читателей я позволяю себѣ включать въ записки фамиліи этихъ лицъ полностью, оставляя неприкосновенными стиль эпохи моего дѣда.

В. М. Тяжельниковъ.

I.

Отрывки изъ путевыхъ впечатлѣній.

Такъ храмъ оставленный—все храмъ.
Кумиръ поверженный все богъ.

Переѣхавъ Уральскій хребетъ, мы оставили за собой Европу. Чувство невольной и тяжелой грусти давило мнѣ сердце, и мнѣ становилось страшно подъ чужимъ небомъ, среди другихъ людей... Рѣзко отличается Европа отъ Азіи Уральскимъ хребтомъ: чуть спустились съ послѣдней возвышенности (за Колнышковымъ), все поражить особенностью: здѣсь и небо, и земля, и рѣки, и горы, все въ какомъ-то особомъ колоритѣ, и европеецъ живо чувствуетъ, что онъ въ Азіи...

Въ первый день мая мы подѣхали къ Тобольску. За семь верстъ уже виднѣлся нашъ городъ, и издали услышали мы унылый гулъ церковныхъ колоколовъ: время было вечернее. Быстро, ловко, ухарски перевезли насъ на большихъ лодкахъ татары чрезъ бурный, широкій Иртышъ, и мы вѣхали въ древнюю столицу Сибирскаго царства.

Мой спутникъ, съ которымъ такъ нечаянно познакомился въ Петербургѣ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, былъ человѣкъ, какъ говорится, бывалый. Онъ получилъ значительное мѣсто въ Сибири, изъ которой уже нѣсколько разъ былъ удаленъ, но къ службѣ въ этомъ краѣ, Богъ вѣдаетъ почему, питалъ страсть непреоборимую. Человѣкъ этотъ имѣлъ слишкомъ большое вліяніе

на всю мою жизнь, и потому весьма немногими словами я заключаю о немъ здѣсь всѣ мои воспоминанія...

Мы остановились у стараго пріятеля моего товарища, у одного изъ предсѣдателей, холостяка, скряги, человѣка черстватаго, съ фальшивыми зубами и такою же душою. Привѣтъ старыхъ друзей былъ довольно оригиналенъ:

— Вишь ты, подлець, бобыль этакой!—сказалъ хозяинъ моему спутнику, цѣлуя его и какъ бы не замѣчая меня.

— А ты, старый чортъ! Все попрежнему!.. э! да вотъ и она,—продолжалъ мой товарищъ, обратившись къ какой-то толстой фигурѣ—бабѣ, отъ которой пахло жиромъ.—Ну, что, каковъ онъ у тебя? Чай, все мерзавецъ? Мало ты его бьешь!—и проч.

Пораженный, какъ громомъ, такими восклицаніями нѣжныхъ пріятелей, я въ испугѣ прижался къ стѣнѣ и никакъ не могъ придумать, чтобы сказать хозяину дома, у котораго за неимѣніемъ въ городѣ гостиницы я долженъ былъ волей или неволей провести ночь. Положеніе мое было въ высшей степени непріятно, по крайней мѣрѣ щекотливо. Наконецъ я рѣшился...

— Имѣю честь рекомендоваться,—сказалъ я,—пріѣзжій N. N.

— Э, братъ, да ты еще съ провизією?—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ моему спутнику.

— Съ какою?—спросилъ тотъ, наливая себѣ рюмку водки. — Мы всю нашу въ дорогѣ издержали, закусимъ и твоей!

— А вотъ этого молодца,—отвѣчалъ хозяинъ, указывая на меня,—ты привезъ на мои хлѣба?..

Я совершенно растерялся.

Однако хозяинъ мнѣ подаль руку и, указывая на водку, примолвилъ: «Просимъ!» И когда я сказалъ ему, что присланъ по назначенію графа Перовскаго, что я бывший воспитанникъ училища правовѣднія, Богъ вѣсть отчего мой хозяинъ какъ будто сконфузился и даже переодѣлся въ другой, щегольской халатъ. Къ вечеру, когда мнѣ подали мой дорожный портфель и я показавъ ему рекомендательное обо мнѣ письмо графа Перовскаго къ князю Горчакову, мы сдѣлались съ нимъ сущими пріятелями, и за ужиномъ полилось шампанское! Казалось, хозяинъ былъ больше радъ мнѣ, чѣмъ старому своему другу...

На ночь предсѣдатель уложилъ меня въ своей гостиной на штофномъ, эластическомъ диванѣ, на который, какъ я впоследствии узналъ, онъ не любилъ сажать даже гостей. Старые пріятели улеглись за нѣсколько отъ меня комнатъ, но, должно быть, не вдругъ заснули, потому что еще долго слышались мнѣ пробочные залпы, звуки гитары и хриплые голоса, изъ которыхъ одинъ, какъ мнѣ казалось, напѣвалъ «Камаринскаго», и кто-то плясалъ вприсядку. Наконецъ все умолкло...

Тогда въ ночной тишинѣ мнѣ вдругъ стало страшно и особенно грустно. Тогда я въ первый разъ тяжело вздохнулъ по родинѣ, роднымъ, друзьямъ! Тогда-то въ этомъ домѣ въ первый разъ и, кажется, единственный въ жизни, я раскаялся въ душѣ за поспѣшность и равнодушіе, съ какими оставилъ я отчизну, и причина, къ тому меня побудившая, показалась мнѣ такъ мелка и ничтожна! Я былъ безнадежно влюбленъ, и любовь мою отвергли, какъ любовь мальчика! Я впалъ въ отчаяніе и уѣхалъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Тобольскъ, послѣ обычныхъ визитовъ, вечеромъ я осматривалъ городъ и только за то, что завернулъ въ модный магазинъ и купилъ флаконъ духовъ, былъ прозванъ тотчасъ франтомъ, львомъ и чѣмъ вамъ угодно, а прокуроръ заключилъ, что я долженъ быть просто педантъ, модная выскочка и чиновникъ вовсе неспособный къ дѣловой службѣ, потому что какой же порядочный чиновникъ начнетъ свое поприще на новомъ мѣстѣ съ того, что купить себѣ флаконъ духовъ.

Проживъ два дня у предсѣдателя, я наконецъ успѣлъ найти для себя небольшую квартиру на горѣ, въ концѣ города у Омской заставы. Домикъ, въ которомъ я поселился, принадлежалъ одной пожилой дѣвушкѣ. Не хочу назвать ее (Н.); скажу только, что она была вѣрной подругой Сперанскаго во время его пребыванія въ Сибири и участвовала въ его ученыхъ трудахъ. Теперь она вела у себя дома монашескую жизнь, и благотворительность была цѣлью всего ея существованія. Многимъ я обязанъ этой достойнѣйшей женщинѣ: она припала меня, какъ мать; съ участіемъ нѣжнымъ, искреннимъ, привѣтствовала меня на чужой сторонѣ, ласкала, баловала и во многомъ старалась меня наставить. Особенно дороги и плѣнительны для меня были ея рассказы о временахъ прошлыхъ, и тайны, которыя повѣдала она мнѣ объ умершемъ своемъ другѣ, величайшемъ челоѣкѣ нашего времени, когда-нибудь, если Богъ мнѣ поможетъ, выльются изъ моего сердца.

Въ хозяйкѣ моей я находилъ такое полное утѣшеніе, съ ней мнѣ было такъ весело, пріятно, легко, что я не поспѣшилъ сдѣлать никакихъ знакомствъ и ограничился только официальными визитами. Для меня, петербуржца, казалась дерзкой, странной, нахальной и даже дикой эта смѣлость, съ какою пріѣзжающіе на службу въ губернской городъ являются рѣшительно во всѣ дома, рекомендуются по своему чину и навязываются на знакомства, не спросясь хозяина и безъ всякаго посторонняго за нихъ завѣренія. Мнѣ, восторженному юношѣ (а тогда я былъ такъ молодъ и неопытен!), тяжело было преклониться предъ страннымъ провинціальнымъ обычаемъ, и въ школьной памяти моей еще громко повторялись слова одного изъ моихъ классныхъ наставниковъ: «Будь медленъ на знакомства, но проченъ въ дружбѣ!»

Итакъ, я жилъ одинъ, настоящимъ отшельникомъ.

Одиночество, отшельничество за три тысячи верстъ отъ родины—тяжело! Особенно, когда оно продолжительно и добровольно. Мнѣ было грустно; и часто, закрывъ лицо руками, истомленный душевными страданіями, я по нѣсколько часовъ лежалъ у своего письменнаго стола и горько плакалъ—о чемъ, Богъ вѣдаетъ!

Разъ въ такомъ положеніи я услышалъ тяжелые шаги въ моей комнатѣ. Передо мною стоялъ незнакомецъ ¹⁾).

Онъ былъ высокаго роста, стройнаго сложенія человѣкъ. Черты лица его были необыкновенно выразительны: его лобъ завѣрялъ объ умѣ, глаза—о добротѣ сердца, блѣдность лица—о душевныхъ страданіяхъ. Онъ былъ въ казакинѣ изъ сѣраго солдатскаго сукна, въ рукахъ держалъ онъ тяжелую трость, указательный палецъ его обвивало желѣзное кольцо. Сѣдина пробивалась въ его черныхъ, какъ смоль, волосахъ; длинные усы были ему какъ нелзя лучше къ лицу.

— Monsieur, pardonnez-moi l'hardiesse,—сказалъ онъ мнѣ.

— A qui ai-je l'honneur de parler?—спросилъ я.

— A un malheureux!..

Слово «несчастный» имѣетъ въ Сибири особенное значеніе, техническое, означающее ссыльнаго. «Каково ты званія?»—спросите вы разбойника, и онъ отвѣчаетъ вамъ: «Изъ несчастныхъ». И рѣдко добьетесь отъ него другого отвѣта. Я не зналъ, что отвѣчать незнакомцу, и подалъ ему руку и въ ту же минуту почувствовалъ, что передо мною былъ особенный человѣкъ, какого я еще не встрѣчалъ въ жизни, предъ которымъ я, хозяинъ, сдѣлался у себя въ домѣ гостемъ. Незнакомецъ въ меня всматривался.

— Давно ли вы здѣсь?—спросилъ я.

— Очень давно! Вы, вѣрно, были тогда лѣтъ четырехъ или пяти, когда насъ всѣхъ сюда прислали. Какъ вы счастливы, что были тогда ребенкомъ!—сказалъ старикъ со вздохомъ.—А я тогда уже командовалъ бригадой! У меня дѣти старше васъ.

— Гдѣ же они?—спросилъ я.

— Въ гвардіи—въ Преображенскомъ полку. Ихъ любить царь!—прибавилъ мой гость съ особеннымъ выраженіемъ удовольствія и гордости.

— Вы здѣсь одни?

— Нѣтъ, съ женой.

— Вы здѣсь женились?

Старикъ горько улыбнулся, какъ будто я оскорбилъ его этимъ пустымъ вопросомъ, но въ то же время съ величайшею скромностью отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ. жена слѣдовала за мной по волѣ, какъ значится въ

¹⁾ Декабристъ Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ.

статейныхъ спискахъ приказа.—Да!—продолжалъ онъ:—жена моя много перенесла—изъ любви ко мнѣ—въ примѣръ дѣтямъ! Когда своимъ преступленіемъ я далъ ей все право оставить меня и сохранить за собою то уваженіе и мѣсто, которымъ справедливо пользовалась она въ обществѣ, она не захотѣла бросить меня и пріѣхала ко мнѣ въ ссылку. Оставить меня она считала нарушеніемъ закона Божескаго, который сочеталъ насъ на всю жизнь, котораго ничто не разрушило.

— Но ваша супруга сохранила свое званіе?—спросилъ я.

— Да! въ актахъ, въ письмахъ она генеральша—и только! Но здѣсь она жена ссыльнаго, и было время, когда окружной звалъ ее просто поселкой и грозилъ надѣть ей кандалы за то только, что осмѣлилась она просить его не рвать писемъ отъ ся родныхъ, тогда какъ могла этого требовать.

— И это было дѣйствительно такъ?—воскликнулъ я съ ужасомъ.

— Боже, чего съ нами не было!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли, что люди, которымъ порученъ былъ надъ нами надзоръ, смотрѣли на насъ, какъ на своихъ крестьянъ, и требовали съ насъ подати! Никакая каторга не была мучительнѣе тогдашняго нашего состоянія. Въ Читѣ, когда мы мололи хлѣбъ, мели улицы и съ топоромъ въ рукахъ ходили въ лѣсъ за деревомъ для нашихъ избъ—о! это было счастливое время! Мы были тогда каторжные, мы наказаніемъ искупали свою вину, исполняли волю царскую! Но когда императоръ по своему безпримѣрному, святому великодушію въ облегченіе судьбы нашей далъ намъ права поселенцевъ, тогда только и началась для насъ жестокая, настоящая каторга!

— Какимъ образомъ? Это невозможно!

— Да именно тогда! Исправники, засѣдатели, окружные, даже земскіе писцы только на насъ и силились выказывать всю власть свою. Вѣдь мы были мужиками, и въ ихъ понятіяхъ такими мужиками, которые должны были гулять съ ними въ шинкахъ, кабакахъ и Богъ вѣдастъ гдѣ; а вмѣсто того никто изъ господъ нашихъ властей не смѣлъ входить къ намъ, въ нашу избу безъ доклада! Это ихъ бѣсило! Зато, встрѣчаясь съ ними на улицахъ, мы обязаны были снимать предъ ними шапки, кланяться низко, постораниваться и безотвѣтно сносить всякое оскорбленіе или отвѣчать только однимъ взглядомъ презрительнымъ, и имъ было досадно, что не могли они принудить насъ ни къ какому другому отвѣту. А главное, что имъ особенно не нравилось, мы были грамотны, писали, и письма наши, эти письма поселенцевъ, читалъ самъ царь, и по нашимъ письмамъ, безъ суда и отвѣта, многихъ изъ нихъ окончилось служебное поприще!

— Да что же вы писали о нихъ?

— О нихъ? Никогда ни слова! Мы писали только о себѣ, о нашихъ страданіяхъ, лишеніяхъ, скорбяхъ, и это мы писали къ

роднымъ; но правительство читало наши письма прежде нашихъ родныхъ, и виновниками нашихъ незаслуженныхъ огорченій признавало лицъ, надзору которыхъ мы были поручены. Въ Петербургѣ не любили, чтобъ насъ тиранили, и безъ нашихъ просьбъ наказывали нашихъ притѣснителей. Вѣрите ли, что намъ даже было ихъ жаль, и мы всегда удерживались въ письмахъ нашихъ отъ лишняго слова: эти господа были такъ ничтожны въ нашемъ мнѣніи!

— Mais êtes vous bien logé, Ив. В.?—спросилъ онъ меня.

— Mais passablement bien, monsieur.

— Знаете, тутъ бы не худо поставить кушетку—вотъ въ этомъ углу, а у кушетки столикъ, а вотъ здѣсь ваши образа.

— У меня только одинъ образъ,—отвѣчалъ я:—благословеніе матери, вотъ онъ.

Онъ перекрестился и поцѣловалъ мой образъ.

— Вы знакомы съ архіереемъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ еще.

— Познакомьтесь. А были вы въ Аббалакѣ?

— Нѣтъ, и не знаю этого мѣста.

— Съѣздите, это за сорокъ верстъ отъ города. Тамъ чудотворная икона Божіей Матери,—въ икону эту вѣрують и магометане-татары. Вся аббалакская деревня изъ татаръ. Болѣе пятисотъ душъ, и нѣтъ души невѣрующей. Икона явилась во снѣ старѣйшему въ деревнѣ, онъ объявилъ общинѣ, и на утро нашли на Иртышѣ плавающий образъ, и всѣ въ него увѣровали. Съѣздите туда непременно. Тамъ на высокомъ берегу Иртыша вы увидите, можетъ быть, то, чего еще не видали въ жизни: богатое татарское село и посреди его монастырь православный, и рядомъ съ нимъ мечеть татарскую. Здѣсь какъ будто символически изображается жизнь человѣка: вѣра рядомъ съ невѣріемъ.

— Непременно съѣзжу. Благодарю васъ за совѣтъ. Что же вы здѣсь дѣлаете? скучаете?

— Для насъ нѣтъ праздниковъ, пѣтъ и скуки. Мы работаемъ дома, молимся, насъ любить преосвященный, принимаетъ насъ. А вы, И. В., любите ли молиться?—И, не дождавшись моего отвѣта, онъ продолжалъ: «Надо молиться! Я вамъ пришлю хорошую книгу о молитвѣ на нѣмецкомъ языкѣ, мы съ женой теперь переводимъ ее...

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ мой всталъ, подаль мнѣ руку и сказалъ съ выраженіемъ искренняго чувства:

— Vous êtes à plaindre dans ce misérable pays. Venez nous voir s'il vous plait. Je ne manquerai pas de vous envoyer ce qui vous convient.

И на другой день рано утромъ онъ самъ принесъ мнѣ книгу и вслѣдъ за нимъ привезли мнѣ и кушетку, и столикъ, и всякую провизію, все, что онъ считалъ для меня нужнымъ.

Спустя нѣсколько дней, начальникъ губерніи, М. В. Л., почтилъ меня визитомъ и пригласилъ къ себѣ на маскарадный балъ. Какъ ни мало я былъ расположенъ къ подобнаго рода увеселеніямъ и праздникамъ, но, обласканный вниманіемъ ко мнѣ губернатора, я долженъ былъ исполнить его желаніе. При томъ мнѣ любопытно было взглянуть на этотъ сибирскій маскарадъ, который я представлялъ себѣ съ самой комической стороны. Каково же было мое удивленіе, когда въ великолѣпныхъ залахъ, украшенныхъ цвѣтами, блиставшихъ роскошью освѣщенія, при звукахъ довольно стройнаго оркестра, я встрѣтилъ многочисленное общество, множество прелестныхъ дамъ, безъ масокъ, въ изящныхъ костюмахъ, какіе могли бы украсить любой маскарадъ въ петербургскомъ салонѣ. Пораженный великолѣпіемъ всего меня окружавшаго, радушіемъ искреннихъ добрыхъ хозяевъ, непритворною веселостью гостей, а особенно благородствомъ тона всего общества, я не вѣрилъ, чтобъ я былъ въ Сибири, и Сибирь казалась мнѣ краемъ, мало отдаленнымъ отъ Европы, мѣстомъ слишкомъ веселымъ для меня, добровольнаго изгнанника. Здѣсь слишкомъ пріятно,—думалъ я,—здѣсь увлекусь опять въ общество и измѣню своимъ намѣреніямъ! Мнѣ хотѣлось въ глушь, уѣхать куда-нибудь за Сибирь, въ Камчатку, на край свѣта, къ безчувственнымъ дикарямъ, гдѣ бы ничто меня не соблазняло, гдѣ бы я былъ одинъ, безъ развлеченій, одинъ съ моими страданіями, въ которыхъ я находилъ тогда полный рай, истинное блаженство! Когда посреди этихъ грезъ я смотрѣлъ уже разсѣянно и смутно на плѣнительныя группы танцующихъ, въ вихрѣ вальса пронеслась передо мною дѣвушка въ костюмѣ русалки и внезапно приковала на себя мои взоры...

Она была лѣтъ четырнадцать. Свѣженькая блондинка, съ тонкими чертами, очаровательно округлившимся оваломъ лица, не русскаго, а чисто французскаго характера, съ живыми, выразительными глазками, стройная, воздушная, она въ своемъ летучемъ костюмѣ была чистая пера на землѣ, только что вылетѣвшая изъ рая! И я невольно воскликнулъ:

— Quelle beauté!

— Qui trouvez vous si belle, monsieur?—спросилъ меня стоявшій подлѣ мужчины лѣтъ сорока, въ черномъ фракѣ и въ золотыхъ очкахъ.

— Mais la charmante naiade? son nom, de grâce!

— Mais elle porte mon nom infortuné. C'est mon enfant.

И крѣпко сжалъ его руку и на другой день былъ въ его домѣ.

Отъ всей души я полюбилъ это семейство. Тамъ проводилъ я цѣлые дни,—и вотъ его плачевная судьба.

Ив. Ал. ¹⁾ происходилъ отъ одной изъ древнихъ и славныхъ фамилій. Одинъ изъ предковъ его былъ королемъ Англіи. Потомки этого короля еще во времена Грознаго переселились въ Россію, и родъ ихъ всегда служилъ у царскаго престола...

.....

Въ одинъ осенній вечеръ Ив. Ал. пріѣхалъ ко мнѣ въ страшномъ горѣ, съ слезами на глазахъ. Мы тогда были искренними пріятелями.

— Что съ вами?—спросилъ я, испуганный его блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Я все потерялъ! Все состояніе!

— Какимъ образомъ?

— А вотъ я вамъ все расскажу,—отвѣчалъ онъ, спимая съ себя шубу, въ которой вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и которую просилъ меня оставить тутъ же, а не въ прихожей. Онъ боялся, чтобъ ее не унесли оттуда.—Знаете ли, И. В.,—сказалъ онъ мнѣ,—въ короткое время нашего съ вами знакомства мы васъ искренно полюбили. Вы нѣсколько разъ просили, чтобъ я рассказалъ вамъ нашу исторію. Сегодня это будетъ очень кстати, иначе вы не поймете всей силы моего новаго горя и не подадите такого совѣта, какого я отъ васъ жду. Я буду съ вами говорить откровенно, какъ съ честнымъ человѣкомъ, который, кажется, принимаетъ въ насъ сердечное участіе. Итакъ, прошу не скучать и не дремать за моимъ рассказомъ. Мнѣ очень дорого ваше вниманіе, оно для меня необходимо, зато рассказъ мой можетъ быть вамъ полезенъ, какъ рассказъ человѣка, который много жилъ, много страдалъ. Начну, какъ водится, съ начала... Рано, слишкомъ рано я испыталъ первое несчастіе въ потерѣ отца. Онъ оставилъ меня одного наслѣдникомъ огромнаго имѣнія. Матушка была ко мнѣ добра, какъ ко всѣмъ людямъ, но ласкать меня она не умѣла, это было ей не по нраву. Она жила въ Москвѣ, какъ царица: у нея домъ былъ дворцомъ, у нея были свои придворные чины; она пользовалась особеннымъ почетомъ въ обществѣ и уваженіемъ людей достойныхъ. Я получилъ довольно полное образованіе, разумѣется, домашнее: у меня перебывали всѣ модные учителя и гувернеры, и каждый изъ нихъ принесъ мнѣ сколько-нибудь пользы, потому что я и самъ любилъ учиться. При томъ у меня была врожденная слабость никому не вѣрить на слово и не покоряться никакому убѣжденію, не подкрѣпленному убѣдительными доказательствами.

¹⁾ Декабристъ Иванъ Александровичъ Анненковъ.

Вопросамъ, какіе я дѣлалъ моимъ учителямъ, конца не было, и, кажется, эти вопросы именно и развили мои способности, но вмѣстѣ усилили во мнѣ страсть все анализировать. На пятнадцатомъ году моей жизни воспитаніе мое кончилось: по случаю кончины батюшки я изъ учениковъ махнулъ прямо въ барскія права богатаго вотчинника и сдѣлался отъявленнымъ кутилой. Изъ одной деревни въ другую я ѣздилъ съ ватагой буяновъ-друзей, только для шалостей. Судите, какъ хорошо, исправно при моемъ поведеніи шло управленіе имѣніемъ изъ пяти тысячъ душъ, подъ опекою матушки, которая не умѣла отличить овса отъ ржи!.. Наконецъ, волей или неволей я долженъ былъ опредѣлиться въ Кавалергардскій полкъ, въ которомъ я уже давно числился на службѣ, и, разумеется, при самомъ моемъ вступленіи изъ уваженія къ моимъ пяти тысячамъ душъ меня выбрали ремонтеромъ, честь, за которую я заплатился нѣсколькими тысячами рублей и десятками годовъ жизни. Ремонтъ, который я привелъ, былъ необыкновенно хорошъ. Генераль расцѣловалъ меня, однако не додалъ половины ремонтной суммы, которую обѣщалъ мнѣ возратить послѣ смотра, а въ полномъ полученіи этихъ денегъ заставилъ меня расписаться еще до покупки лошадей. Но за это я на него не сердить: онъ все-таки былъ человѣкъ добрый—особенно ко мнѣ. Блистательное исполненіе порученія, которое такъ недешево обошлось мнѣ, товарищи мои называли удачнымъ, счастливымъ и съ меня же требовали шампанскаго. Ужъ Богъ знаетъ, что они праздновали у меня, я по крайней мѣрѣ праздновалъ радость моего къ нимъ возвращенія. Бесѣда наша была пиромъ веселымъ, шумнымъ и съ каждымъ бокаломъ вина становилось шумнѣе. Вино инымъ грѣло сердце, а мнѣ и бѣдному моему другу Л. горячило печень. Мы поссорились.

— За что же?

— Л. хвасталъ своей лошадыю, онъ былъ отъявленный хвастунъ въ полку. А я, какъ отъявленный знатокъ лошадей, ремонтеръ, воскликнулъ: «Господа, не вѣрьте Л., онъ вреть; его лошадь просто дрянъ; у ней подвязной хвостъ, онъ ее запрягаетъ въ дрожки, когда ѣздитъ къ актрисамъ! Я это навѣрное знаю!..» Л. обидѣлся и вызвалъ меня на дуэль. Я, въ свою очередь, оскорбился даже этимъ вызовомъ. Я во всю мою жизнь не терпѣлъ лгуновъ и драться съ хвастуномъ считалъ для себя величайшею обидою. «Господа!—сказалъ я:—Л. извѣстный трусъ, онъ вызываетъ меня изъ хвастовства. Но, чтобъ наказать вруна, я буду стрѣляться съ нимъ черезъ платокъ!» Насъ мирили, я отказался отъ мира, и на слѣдующее утро мы встрѣтились. Л. выстрѣлилъ въ меня холостымъ зарядомъ, моя пуля разбила ему сердце, я убилъ его наповаль.

При этихъ словахъ Анненковъ тяжело вздохнулъ.

— Avez vous du vin, И. В.?—спросилъ онъ меня.

Я приказалъ дать бутылку вина, и онъ продолжалъ:

— Страшно убить человѣка, даже тяжело подстрѣлить и врага на полѣ битвы, и сердце всегда забьется сильно при видѣ трупа. Судите, что со мной съ тѣхъ поръ, какъ я убилъ безвинно товарища-пріятеля! Его тѣнь преслѣдуетъ меня на каждомъ шагу жизни, и боязливъ я сталъ, и недовѣрчивъ къ человѣку, и ненавижу я себя, и дрожить моя рука, когда на сонъ грядущій я благословляю родныхъ дѣтей моихъ!

Тутъ градомъ полились слезы изъ глазъ убійцы.

— Вы тяжело пострадали за это страшное дѣло?—спросилъ я.

— Въ томъ-то и бѣда, что нисколько. Въ то время творились чудеса добра, тогда всѣ ратовали за великодушіе, тогда слово простить больше любили, чѣмъ слово наказать. Испуганный ужасомъ моего преступленія, я бросился къ нашему полковому командиру гр. М., отдалъ ему мою саблю, рассказалъ все дѣло, какъ оно было; я не утаилъ ни одного слова и просилъ командира объ одной милости: доложить съ полною правдою обо всемъ императору, нисколько не щадя меня. Когда Благословенный потребовалъ меня къ себѣ, я не могъ отвѣтить ему ни слова: слезы ручьями текли изъ моихъ глазъ, и когда онъ велѣлъ мнѣ удалиться, всю страшную казнь, которая до сихъ поръ раздираетъ мнѣ душу, я вынесъ изъ величественнаго взгляда, брошеннаго на меня Благословеннымъ, взгляда, выразившаго всю праведность его гнѣва, всю полноту его царственной горести. Едва я вышелъ за дверь, пораженный этимъ взглядомъ, какъ громовымъ ударомъ, я упалъ безъ чувствъ. На утро, когда я пришелъ въ себя, я былъ уже дома, сабля моя была подлѣ меня, я былъ прощенъ!

— Воображаю вашу радость,—сказалъ я.

— Чему тутъ было радоваться?—продолжалъ ссыльный.—Вѣдь грѣхъ тяжелымъ камнемъ легъ мнѣ на сердце, какъ грѣхъ безъ искупленія! Благословенный зналъ, что дѣлалъ, и, предавъ этотъ черный поступокъ суду моей совѣсти, онъ зналъ, что въ ней найду я вѣчную казнь, что совѣсть измучитъ меня, какъ никакая пытка, какъ совѣсть честнаго человѣка, какимъ остался я и въ преступленіи! Вольно смотрѣть со стороны, когда отецъ наказываетъ сына, но еще больнѣе, когда не удостоить онъ его не только своимъ родительскимъ наказаніемъ, но даже гнѣвомъ, потому ли, что сынъ не стоитъ наказанія и гнѣва, потому ли, что эта мѣра только ослабить жестокую, но правдивую кару внутренняго голоса, или, быть можетъ, потому, что голосъ этотъ нѣмъ, и своимъ молчаніемъ отецъ хотѣлъ бы пробудить его,—почему бы то ни было, но больно смотрѣть со стороны, когда отецъ оставляетъ виновнаго сына безъ наказанія! Какъ ни былъ я тогда молодъ, но, признаюсь вамъ, подобныя мысли меня не оставляли, и мнѣ казалось, что я

не прощень, а пренебрежень императоромъ: вотъ до какой степени я былъ самолюбивъ! И вы можете себѣ представить, чего не перенесъ я подъ вліяніемъ этого чувства, когда стоялъ я въ караулѣ во внутреннихъ комнатахъ Благословеннаго, или когда въ торжественные дни, по распоряженію командира, отличавшаго меня, какъ лучшаго фздока въ полку, я ординарцемъ являлся къ императору!

— Удивляюсь, И. А., вашимъ чувствамъ! Тогда вы были такъ молоды! Который вамъ былъ годъ?

— Двадцать первый.

— И въ эти лѣта такъ чувствовать! Не вѣрю!

— Почему же?

— Въ эти лѣта нѣтъ устойчивости въ человѣкѣ—никакимъ чувствамъ, никакимъ горестямъ. Вихрь юношеской жизни все разосыплетъ и почти ничего не сохраняетъ: ни горькаго, ни пріятнаго! По крайней мѣрѣ такова судьба нашего поколѣнія, и я говорю вамъ, что чувствую!

— Вашего поколѣнія? это другое дѣло. Вы все Печорины, и только! Но мы жили и чувствовали положительно и смотрѣли на жизнь безъ восторженности и безъ отрицаній, какъ она есть! При томъ не забывайте, что я былъ флегматикъ.

— Какъ флегматикъ, а ваша дуэль?

— И все потому, что я флегматически вѣровалъ въ свои убѣжденія! Уже Богъ знаетъ, что меня сдѣлало такимъ! Что было у меня такого въ крови! Я мало былъ чувствителенъ, я больше любилъ мыслить, но и мыслилъ я мало, потому что до крайности былъ лѣнивъ, хотя въ то же время не терпѣлъ лѣни. Я просто былъ тяжелъ на все, медленъ всегда во всемъ! Я вѣчно опаздывалъ, даже на службѣ, и всегда сердился на себя за эту медленность, но избавиться отъ нея вовсе не думалъ и не понималъ, какъ могутъ люди во всемъ успѣвать. Вѣрно, у меня была уже такая тяжелая натура! Но все это мелочи! Одно только дурно, что самолюбіе во мнѣ было крайне раздражительно: стоило подстрекнуть его, и Богъ знаетъ, на что бы я не рѣшился, и хотя медлилъ я въ исполненіи моего намѣренія, но, разъ рѣшившись, я уже отъ него не отказывался! Я зналъ, что долженъ рано или поздно исполнить данное себѣ слово, но все-таки не торопился и не понималъ, какъ люди могутъ торопиться? Въ полку уважали эту мою слабость и вѣрили въ святость моего слова, но, къ несчастію, какъ и всегда, нашлись люди, которые поспѣшили воспользоваться моимъ самолюбіемъ, моею стойкостью для личныхъ выгодъ, люди, которыхъ я привлекалъ къ себѣ не душевными своими качествами, а просто моимъ именемъ, которое тогда было въ модѣ, которое имъ было нужно, какъ удочки на приманку мелкой рыбы; особенно же аппетитны они были до моихъ сытныхъ мужичковъ, вѣдь пять тысячъ душъ

не бездѣлица! И вотъ какъ эти господа завладѣли мною! Я былъ на одномъ блестящемъ балѣ. Во время танцевъ нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ полковникъ Пестель ¹⁾. Онъ былъ задумчивъ, взоръ его былъ тяжелъ, лицо блѣдно, въ каждомъ словѣ его было такъ много злости, сарказма, что, право, мнѣ вовсе не хотѣлось съ нимъ и говорить! Общество въ то время смотрѣло уже на него, какъ на мудреца, пророка, и многіе считали за особенную честь быть въ знакомствѣ и похвастать дружбою съ нимъ! Его считали великимъ человѣкомъ, чуть не вторымъ Магометомъ! Но я, какъ ни былъ молодъ, въ душѣ смѣялся надъ этими господами ораторами и въ глаза, по правамъ товарищества и дружбы, честилъ ихъ нескромными названіями. Полковникъ Пестель на балѣ занесъ мнѣ такую чепуху, которой мнѣ и во снѣ не снилось, и теперь не вспомнить, и при звукахъ Веберова вальса (*de notre temps c'était Weber et pas Strauss*) я не могъ понять ни одного его слова, и изъ всей его речи помню только два, которыя онъ безпрестанно повторялъ: «правительство, конституція!» Я молчалъ и, какъ дикарь, смотрѣлъ ему въ глаза, наконецъ я до того взбѣсилъ его моимъ хладнокровіемъ, что онъ, взявъ меня за плечи, спросилъ:

«— Да что вы, Анненковъ, пьяны, что ли?»

— Не пьянѣе васъ,—отвѣчалъ я.

Мой лаконическій отвѣтъ озадачилъ оратора, онъ притворился обиженнымъ и, вздохнувъ притворно, продолжалъ:

«— Всѣ вы на одинъ покрой—молодые люди! Поплясать, покутить—ваше дѣло, а заговори съ вами объ общемъ благѣ, о страданіяхъ отечества, вы глухи и ровно ничего не смыслите!»

«Я былъ патріотъ, я былъ чисто русской души человѣкъ, я не терпѣлъ Запада, для меня выше моего отечества ничего было. Пестель зналъ, что я всегда горой стоялъ за благо русской земли, онъ это хорошо зналъ: ему нужно было только оскорбить мое самолюбіе, или, проще говоря, раздражить меня, какъ школьника. Такъ точно поступилъ со мной и Пестель. Но это я чувствую здѣсь, въ ссылкѣ, а не чувствовалъ тогда, въ обществѣ. Одинъ Богъ знаетъ, что перешло въ моей душѣ въ минуту нанесенной Пестелемъ обиды моему самолюбію. Помню только, что я весь задрожалъ, поблѣднѣлъ, готовъ былъ убить Пестеля. Но этой моей злости именно ему и нужно было! Онъ взялъ меня подъ руку и увлекъ въ отдаленную комнату.

«— Не сердитесь на меня, Анненковъ, сказалъ онъ мнѣ.— Простите, если я оскорбилъ васъ,—продолжалъ онъ, цѣлуя меня.—Вы солнце нашей молодежи, такъ смотримъ мы всѣ на васъ, и я обязанъ это засвидѣтельствовать вамъ отъ всѣхъ нашихъ

¹⁾ Современникъ, очевидно, говоритъ о Рылѣевѣ, ибо полковникъ Пестель находился въ описываемое время въ южной арміи.

товарищей! Вы хорошо знаете, что происходитъ въ обществѣ, какая мысль овладѣла всѣми умами, что готовить цѣлая Россія, и мнѣ не нужно говорить вамъ объ этомъ. Но всѣ мы не можемъ кончить этого труднаго дѣла безъ васъ и мнѣ поручено просить васъ стать въ главѣ насъ, на то мѣсто, которое принадлежитъ вамъ по всѣмъ правамъ!»

«Такъ говорилъ мнѣ, едва оперившемуся мальчику полковникъ Пестель, предъ которымъ благоговѣло тогда все общество. Я зналъ, чувствовалъ, что Пестель льститъ мнѣ, просто вретъ: во мнѣ былъ инстинктъ отгадывать ложь, которой я не терпѣлъ. Но въ эту минуту самолюбіе заглушило всѣ мои чувства. Сердце мое сильно билось, вся кровь моя волновалась. Пестель задѣлъ мою живую струну, и при звукѣ ея замолкли всѣ прочія струны души. Я подаль Пестелю руку и далъ слово принадлежать къ тайному обществу. Пестель былъ матеріалистъ. Онъ тутъ же вынулъ изъ кармана списокъ извѣстныхъ лицъ, свою *portefeuille* съ стальнымъ перомъ и заставилъ меня вписать мое имя въ списокъ преступниковъ.

«Я живо помню эту минуту! Въ прелестномъ небольшомъ будуарѣ, украшенномъ прихотливою мебелью, уставленномъ цвѣтами, въ этой крохотной комнаткѣ, гдѣ можно было только отдыхать отъ жизни въ беззаботномъ упоеніи любви, я вносилъ мое имя въ книгу Пестелю, эту книгу смертельнаго приговора, и разрушалъ добровольно счастье всей моей жизни, которую повергалъ въ жертву безвинно безграничному своему самолюбію. Издали долетали къ намъ звуки предсмертнаго вѣберовскаго вальса... праздная толпа весело кружилась подъ эти торжественные звуки и, вѣроятно, никому изъ веселыхъ гостей не пришло въ голову, что въ эту минуту въ виду ихъ навсегда умеръ человѣкъ смертію самую жестокою!..

«Мгновенно безотчетная тоска сдавила мнѣ сердце, и крупная слеза упала на мой роскошный бальный мундиръ. Пестель замѣтилъ эту слезу; мнѣ стало досадно, что онъ ее замѣтилъ, мнѣ стало стыдно за эту слезу, и, отирая глаза, я только сказалъ ему: «*Ce n'est rien!* Такъ, просто глупость!» А на душѣ въ ту минуту было такъ тяжело, тяжело, какъ будто я опять убилъ человѣка!.. Когда мы вернулись въ залъ, мнѣ страшно было смотрѣть на людей и даже стыдно и непріятно. Я поспѣшилъ уѣхать съ бала. Всю ночь я не могъ заснуть спокойно; всю эту ночь мнѣ снился Благословенный съ его укорительнымъ взоромъ на меня; всю ночь мнѣ грезился убитый мною Л. Окровавленный трупъ его какъ будто стоялъ надъ могилою, грозилъ мнѣ пальцемъ и говорилъ мнѣ: «Такъ-то искупаешь ты свой грѣхъ! Такъ-то ты платишь за милость и пощаду. Ты подлецъ! Просто подлецъ!» И мертвый мнѣ показывалъ языкъ и

сатанинскимъ смѣхомъ смѣялся надо мной и плевалъ мнѣ въ глаза...

«На другой день вечеромъ за мной прислалъ Пестель. У него засталъ я наше общество; многіе члены не явились на это собраніе, и мнѣ тутъ же объявили, что они измѣнили намъ. Мы собирались часто и всего больше хлопотали объ удержаніи членовъ, объ опасеніяхъ по поводу отставшихъ отъ насъ лицъ, и гораздо менѣе трактовали мы о возможности нашего дѣла, о самой его цѣли. Вѣрите ли, что между нами были и такіе, которые вовсе не понимали нашей цѣли, отъ которыхъ мы даже скрывались! Но зато были между нами и люди, понимавшіе всю несбыточность и пустоту нашей затѣи, въ числѣ ихъ былъ и я; но мы не смѣли высказать нашего сознанія и нашихъ мыслей: такъ сильно было на насъ вліяніе слова и взгляда Пестеля. Намъ казалось, что въ этомъ человѣкѣ было что-то особенное, сверхъестественное. Онъ говорилъ, какъ какой-нибудь пророкъ, рѣчь его была полна энергіи, одушевленія, голосъ его былъ звученъ и пріятенъ необыкновенно. А главное—про дѣла самыя ужасныя, про замыслы самыя кровавыя этотъ человѣкъ умѣлъ говорить съ величайшимъ спокойствіемъ и сохранять въ голосѣ и словѣ всю сладость, нѣжность звука! Случалось, что я ѣхалъ въ общество съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выставить всю его пошлую сторону, всю несбыточность и незаконность основной идеи, непримѣнимость ея къ русской землѣ, слабость силъ, поспѣшность и преждевременность предпріятія, незрѣлость и необразованность общества, наконецъ любовь народа къ престолу, на который возвелъ этотъ народъ своею кровью царственный домъ; я хотѣлъ сказать имъ, что этотъ народъ не отдастъ престола не царскому роду, какъ не отдастъ онъ его даже своимъ спасителямъ—ни Минину, ни Пожарскому,—все это хотѣлъ я имъ сказать; но едва входилъ я въ собраніе, одна встрѣча со мною Пестеля, одинъ его взглядъ на меня разрушалъ всѣ мои намѣренія, и я уѣзжалъ изъ общества восхищенный, очарованный ядовитымъ умомъ Пестеля, какъ какимъ-нибудь волшебникомъ, и глупы и ничтожны казались мнѣ собственныя мои мысли, и пусты приготовленныя мною слова, и я радъ былъ, что не высказалъ ихъ.

«12-го числа у насъ было рѣшительное, послѣднее засѣданіе. На это собраніе не явилось и трети общества. Пестель, сколько ни былъ уменъ, хладнокровенъ и остороженъ, но не сумѣлъ скрыть своего унынія. Я тотчасъ понялъ, что отсутствіе двухъ третей членовъ—отсутствіе, котораго по своей самонадѣянности онъ никакъ не ожидалъ и не предвидѣлъ, сильно поразило его и внезапно ввергло въ совершенное отчаяніе. Его тоска, молчаливость испугала и заразила всѣхъ подобнымъ же чувствомъ: тутъ ясно увидѣлъ я, что все общество жило его душою, вдохновлялось только имъ, держалось только его умомъ, опередившимъ на много лѣтъ обра-

зование общественное; тутъ я точно убѣдился, что все наше предприятие было его личною затѣею, мечтою его честолюбія, игрушкою его ума, а не требованіемъ времени и народа. Съ свойственнымъ врожденнымъ мнѣ хладнокровіемъ я отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему: «Ну, къ чему вы затѣяли эту глупость, Пестель, которая всѣхъ насъ погубить—и только! Сами вы не знаете, отъ кого и чего хотите, и дѣло ваше безсовѣстно!» Пестель поблѣднѣлъ отъ злости, но не могъ отвѣтить мнѣ ни одного слова. Я рѣшительно, откровенно и громко въ этотъ вечеръ объявилъ, что навсегда отрекаюсь отъ участія въ этомъ обществѣ, но, какъ честный человѣкъ, не обнаружу тайны, которую оно мнѣ довѣрило. Мое неожиданное отреченіе поразило всѣхъ: я въ первый и единственный разъ въ жизни нарушалъ свое слово! Изумленные моими словами и сознавая правоту моего отреченія, они не осмѣлились сказать мнѣ ни слова въ отвѣтъ. Я оставилъ ихъ въ совершенномъ недоумѣніи, и только на другой день узналъ я, что многіе изъ нихъ послѣдовали моему примѣру. 14-го числа я былъ въ строю царскомъ и по личному повелѣнію великаго князя привезъ пушки съ Выборгской стороны. Изъ этихъ пушекъ стрѣляли въ моихъ несчастныхъ товарищей. За эти пушки мнѣ обѣщали большую награду! Но не такъ случилось! По наговору товарищей, не простившихъ мнѣ отреченія, узнали, что я принадлежалъ къ тайному обществу. Меня арестовали, судили за доносъ о страшномъ дѣлѣ, за участіе; хоть временное, въ обществѣ. Судъ былъ правъ: я былъ преступникъ, я былъ величайшій изъ всѣхъ преступниковъ, какимъ справедливо счелъ меня царь. Меня отослали въ Шлюссельбургскую крѣпость. Заключение это было ужасно. Совершенное уединеніе, безмолвіе, сырость, голодъ, мучительная скука, продолжительная неизвѣстность о судьбѣ, меня ожидавшей, все это раздирало мнѣ душу, разрушало мою жизнь, какъ самая страшная пытка. Вѣрите ли, что въ первое время часовой, стоявшій у моихъ дверей, не смѣлъ мнѣ сказать, который былъ часъ, день или ночь на дворѣ? Это было ужасно, ужасно! Я впалъ въ совершенное отчаяніе, я могъ разлюбить все въ мірѣ и молилъ Бога о ссылкѣ куда бы то ни было—во всякую каторгу, лишь бы это время приблизилось. Какимъ соблазнительнымъ счастіемъ представлялась мнѣ свобода знать время дня, время ночи, дышать чистымъ воздухомъ, пить свѣжую воду и смотрѣть на небо... Въ тюрьмѣ такъ хочется взглянуть на небо! Наконецъ меня потребовали къ суду. Я зналъ, что нѣсколько дней я былъ преступникъ, и потому съ полнымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ утвердилъ своею подписью всѣ обвинительные пункты, не прочтя ни одного. Мое флегматическое спокойствіе, упорное молчаніе поразили верховныхъ судей, имъ даже было жалъ меня, я это видѣлъ. Они просили меня, чтобъ я оправдался, сколько могъ, я не хотѣлъ и не могъ. Меня отвели

въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь мнѣ было легче, и жена моя когда-нибудь расскажетъ вамъ лучше меня мою тогдашнюю жизнь. Генераль Б ¹⁾ часто навѣщалъ меня, подавалъ мнѣ добрые совѣты, просилъ меня написать что-нибудь въ свое оправданіе. Отвѣтъ мой былъ всегда одинъ и тотъ же. Я говорилъ ему, что я люблю отечество, что я вѣрный защитникъ царя, что, если бы я не привезъ пушекъ съ Выборгской стороны, нечѣмъ было бы разсыпать мятежниковъ. Но въ то же время я просилъ генерала не придавать никакой официальнойности моимъ словамъ, не передавать ихъ никому, просилъ, чтобъ осудили меня, какъ преступника, но безъ потери времени. Я считалъ для себя униженіемъ всякое оправданіе въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ нисколько не участвовала моя воля, къ которому не принадлежало мое сердце, въ этомъ дѣлѣ, въ которое я былъ завлеченъ, какъ школьникъ, и отъ котораго я отрекся, какъ честный человѣкъ. Я чувствовалъ, какъ низко я былъ обманутъ, обольщенъ злымъ сослуживцемъ, я признавалъ его врагомъ своимъ, а отнюдь не товарищемъ и другомъ, я отъ всей души презиралъ толпу неразумныхъ мятежниковъ и 14-го числа я всею жизнію моею хотѣлъ запечатлѣть мое святое благоговѣніе къ русскому престолу. Пусть бы мои судьи спросили меня, какими чувствами живетъ душа моя и полно мое сердце: я бы потрясъ ихъ всѣхъ моимъ отвѣтомъ, какъ ни былъ я тогда еще молодъ, и не подняли бъ ихъ руки пера на приговоръ обо мнѣ. А они только спрашивали меня: былъ ли я членомъ общества, давно ли зналъ и отъ кого узналъ объ немъ и почему я не донесъ о томъ, что слышалъ или зналъ? На эти вопросы отвѣчать я не могъ и лучше предпочелъ за молчаніе пожертвовать жизнью, чѣмъ отвѣтомъ выиграть жизнь и потерять честь предъ кѣмъ бы то ни было, хоть бы предъ самымъ закоренѣлымъ разбойникомъ, съ которымъ я былъ товарищемъ только часъ одинъ! И разлюбилъ я моихъ судей больше враговъ моихъ, меня погубившихъ: ихъ наружныя ласки, вниманія, убѣжденія сдѣлались для меня несносны: въ душѣ моей ужъ я давно окончилъ самъ смертельный надъ собою приговоръ, имъ оставалось спѣшить исполненіемъ. Душа моя окрѣпла, если хотите, огрубѣла въ этихъ чувствахъ, и ничто уже не могло ее тронуть! Я ждалъ пытки, я жаждалъ петли и въ ожиданіи этого для меня блага я проводилъ дни и ночи въ лихорадочномъ бреду. Въ одинъ день дверь моей темницы отворилась. Ко мнѣ вошелъ генераль Бенкендорфъ. Видъ мой испугалъ его: въ непродолжительное время я сильно измѣнился. Я лежалъ подъ своею шинелью на арестантской койкѣ. На столикѣ подлѣ меня

¹⁾ Вѣроятно, генераль А. Х. Бенкендорфъ, назначенный въ 1826 г. шефомъ жандармовъ и начальникомъ III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи.

отважно красовался огромный штофъ водки, доставленный мнѣ великодушнымъ часовымъ за большія деньги. Къ водкѣ, простой сивухѣ, я тогда уже привыкъ, какъ къ самому дѣйствительному утѣшенію, и любилъ ее, какъ лучшаго друга. Генералъ вывелъ меня изъ темницы, и, когда я одѣлся, онъ посадилъ меня въ свою карету и увезъ меня, не сказавъ куда. Карета наша остановилась у главнаго подъѣзда въ Зимнемъ дворцѣ. Генералъ отвелъ меня во внутреннія комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ я стоялъ предъ императоромъ въ его кабинетѣ. Не знаю, какое чувство своимъ присутствіемъ я возбудилъ въ царственной душѣ. Государь съ величайшимъ спокойствіемъ сказалъ мнѣ: «Анненковъ, ты пренебрегъ благодареніями моего покойнаго брата! Напоминаю тебѣ о нихъ, чтобъ показать тебѣ всю низость, отвратительность твоего поступка противъ меня, моей фамиліи, моихъ дѣтей, моей Россіи!» Государь говорилъ со мною долго. На вопросы его всѣ мои отвѣты были холодны и не согрѣты никакимъ чувствомъ. Никакое раскаяніе для меня было невозможно; я больше года просидѣлъ въ заключеніи и въ этотъ тяжелый годъ я отрекся отъ всего въ мірѣ, отъ всякой мысли и желанія возвратиться къ прежнему счастью. Государь хотѣлъ спасти меня, онъ жалѣлъ обо мнѣ. Каждое его слово, сказанное мнѣ, выражало величество его христіанской души, ангельскую, святую доброту сердца, евангельское незлобіе на преступника, и наконецъ я увидѣлъ слезу на печальномъ лицѣ вѣнценосца. «Baissez la main de l'Empereur», сказалъ мнѣ генералъ Бенкендорфъ. Я не отвѣчалъ ни слова, но руки помазанника Божія не поцѣловалъ! Государь сдѣлалъ знакъ, чтобъ я удалился. Генералъ Бенкендорфъ опять отвезъ меня въ крѣпость; во все время въ каретѣ онъ молчалъ и горько плакалъ. Черезъ часъ мнѣ объявили сентенціи суда, набили мнѣ на ноги кандалы, и курьерская тройка съ фельдъегеремъ понесла меня въ Сибирь. Это было въ самые жестокіе морозы. На мнѣ была одна холодная офицерская шинель. Въ три недѣли мы были уже за Байкаломъ. Я опомнился въ острожной больницѣ въ Читѣ. Руки, ноги—все было у меня отморожено. Сильная простуда грозила мнѣ смертію, я былъ тяжело боленъ...

— Однако, который часъ?—спросилъ меня Анненковъ.

Я взглянулъ на часы,—былъ уже четвертый часъ утра. Анненковъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ, Боже мой! Какъ я у васъ засидѣлся. Меня ждутъ дома, тамъ всѣ плачутъ. Я обѣщалъ съѣздить къ вамъ на одну минуту, только за совѣтомъ, а вотъ разболтался о пустякахъ и не видалъ, какъ прошла ночь.

— О какихъ пустякахъ?—спросилъ я.

— Да, разумѣется, о пустякахъ. На пятидесятомъ году жизни на все смотришь равнодушно, и въ двадцать лѣтъ заживетъ всякая

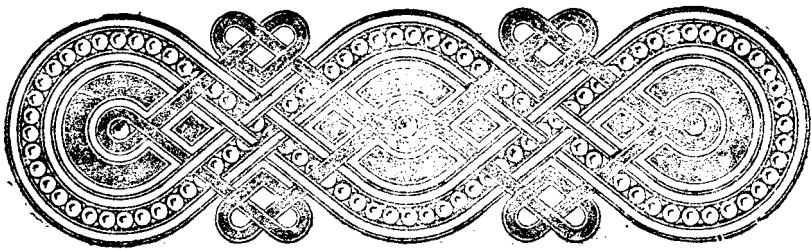
сердечная рана. Вѣдь я уже въ Сибири двадцать лѣтъ!.. Какая досада, что я не успѣлъ переговорить съ вами объ моемъ дѣлѣ, а завтра идетъ почта, нужно писать!

Я обѣщаль быть у него утромъ. Когда Анненковъ оставилъ меня, невѣдомыя дотолѣ, новыя чувства овладѣли всей моею душою. То жаль мнѣ было этого человѣка и грустно за него. То опять я жалѣть даже объ немъ не смѣлъ. Страданія его дѣйствительно, какъ страданія нравственныя, были велики! Невозвратимая его утрата имени, жизни, всякаго значенія въ томъ свѣтѣ, въ которомъ и знатность рода и благородство его неопытной, но высокой души ставили его на первое мѣсто, лишеніе этого значенія, внезапно разрушеннаго соблазнительною восторженностью его искусителя, который, не спросясь его, юноши, похитилъ всю дѣвственность, чистоту, невинность его сердца, всю лучшую его любовь и гордость, его безграничную преданность царю,—вотъ что меня заставляло скорбѣть за него. Я видѣлъ въ немъ несчастную жертву самолюбивой прихоти вольнодумца, я видѣлъ въ немъ нечаяннаго преступника, я видѣлъ въ немъ трупъ прекраснѣйшаго созданія, безжалостно отравленнаго страшнымъ, тайнымъ ядомъ, какого не изобрѣталъ весь чудовищный тартаръ, и который такъ соблазнительно изобрѣтенъ былъ, къ стыду сказать, духомъ нашего общества. Вотъ почему этотъ человѣкъ былъ мнѣ жалокъ. Но непріятель онъ былъ мнѣ, когда я вспоминалъ о выпавшей за него слезѣ изъ святыхъ очей великаго царя, этой слезѣ, небесной посланницѣ, имъ, измѣнникомъ, не оцѣненной и не признанной, какъ Іудею Христосъ, слезѣ, предъ которою онъ, преступникъ, долженъ былъ бы пасть ницъ и молить объ одной величайшей имъ не заслуженной милости—самой страшной казни! Такъ бы по крайней мѣрѣ сдѣлалъ я, а онъ этого сдѣлать не захотѣлъ»...

И. В. Погоржанскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

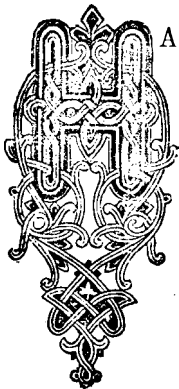
ЧЕТЫРЕ ЗАПИСКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕКАБРИСТОВЪ ¹⁾.

(Посвящено П. Е. А—ой) ²⁾.

II.

Разсказъ поселки.

Pour résumer sa vie... en la mettant au jour
Dieu la fit d'une larme... et d'un soupir d'amour.

АПОЛЕОНЪ любилъ и отличалъ моего отца. Онъ убить, храбрый воинъ, въ славной Аустерлицкой битвѣ! Мы жили съ матушкой въ Парижѣ, когда получили эту печальную вѣсть. Отецъ не оставилъ намъ ничего въ наслѣдство, кромѣ своего честнаго имени, legion d'honneur и сотни луидоровъ. Насъ было три сестры. Матушка плакала горькими слезами—мы старались утѣшать ее и себя своею молодостью. Мы обѣщали трудиться, работать, безъ стыда и усталости—за кусокъ насущнаго хлѣба. Въ Парижѣ надъ трудомъ не смѣются! Въ скоромъ времени у насъ былъ уже модный магазинъ. Мы наполнили его работами своихъ рукъ. Свѣтскія дамы насъ полюбили за аккуратность и честность, съ которыми исполняли мы ихъ требованія, онѣ ласкали насъ и щедростью

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХLIII, стр. 143.

²⁾ Прасковья Егоровна, рожденная Полина Гебель, жена И. А. Анненкова.

своею укрывали насъ отъ гнета нужды. По ихъ милости мы рѣдко чувствовали недостатокъ и весело отдыхали отъ труда.

Въ одинъ день—свѣтлый или пасмурный, не помню—великолѣпный фіакръ остановился у нашего магазина. Къ намъ вошла дама. Она была высокаго роста, черты лица ея были пріятны, благородны; нѣсколько нескромныхъ морщинъ—этихъ непріятныхъ и незванныхъ свидѣтельницахъ жизни—требовали къ лѣтамъ ея полнаго уваженія. Она была великолѣпно, роскошно одѣта—какъ многія одѣваются въ Парижѣ; платье на ней было тяжело и богато. Она была русская дама. Ко мнѣ обратилась она съ особенною нѣжностью,—можетъ быть, потому, что я была младшая изъ сестеръ. Этой дамѣ все нравилось въ нашемъ магазинѣ, она хотѣла все купить,—намъ даже было стыдно, какъ она щедро платила за самыя простыя вещи. Въ короткое время она совершенно привыкла къ нашему магазину, посѣщала насъ каждый день, ласкала насъ и, когда, познакомявшись съ матушкой, узнала о нашей судьбѣ, сблизилась съ нами, какъ нельзя больше, благотворила намъ и наконецъ приступила къ матушкѣ съ неотступною просьбой отпустить меня къ ней въ Россію. Г-жа Анненкова обѣщала любить меня, какъ дочь родную, наградить меня. Сколько ни страшна была мнѣ мысль о разлукѣ, но желаніе обезпечить жизнь родныхъ, какая-то невольная и безотчетная симпатія, даже любовь, которую я такъ вдругъ почувствовала къ этой женщинѣ, заглушили во мнѣ непріятныя сомнѣнія, горькія чувства. Странно! и маменька съ своей стороны мнѣ не противорѣчила, меня не остановила. Она какъ будто была довольна моею рѣшительностью—и я могла бы сказать, что она была рада, если бы въ ту минуту, когда благословляла она меня своимъ крестомъ на вѣчную разлуку, крупная слеза не выпала на ея грудь.

Спустя нѣсколько дней я оставляла родной кровъ. Помню, что много людей приходили со мной проститься—едва мнѣ знакомыхъ! Тогда поѣздку въ Россію считали дѣломъ страшнымъ. Я помню мою послѣднюю минуту въ Парижѣ, какъ одну изъ лучшихъ минутъ моей жизни! Обо мнѣ плакали, и это, кажется, единственный разъ во всю мою жизнь. Когда я садилась въ карету, матушка и сестры, обливаясь слезами, стояли на балконѣ.

— Je reviendrai, je reviendrai,—кричала я имъ, когда карета уже трогалась съ мѣста.

— Jamais! jamais, mon enfant,—отвѣчала матушка. Вотъ послѣднія ея слова, которыя врѣзались въ мою память.

Мы пріѣхали въ Москву. Здѣсь постоянно жила моя благодѣтельница. Вы знаете, какъ она была богата, какъ ее всѣ уважали.

Толпа поклонниковъ окружила меня—забѣжную парижанку. Меня искали, въ меня влюблялись, мной забавлялись, какъ игрушкой! Но я съ первыхъ дней моего пріѣзда уже принадлежала одному.

Я отъ всей души безотчетно и безгранично предалась сыну моей благодѣтельницы. Ахъ! какъ онъ тогда любилъ меня...

Но не всякая женщина рѣшилась бы и его такъ любить, какъ я любила! Шалости его были безграницны, непростительны, особенно когда мы жили въ Петербургѣ. Правда, чернаго поступка за нимъ никогда не водилось. Онъ былъ мнѣ вѣренъ, какъ честный мужъ, но мужъ шалунъ, какъ добрый другъ, но вѣтреный; онъ былъ мнѣ покоренъ, какъ дитя неблагоразумное. А я? Я все ему прощала, я не только любила его—мнѣ казалось, что я должна служить ему, какъ Богу, моей любовью! Мнѣ хотѣлось быть его рабой, мнѣ такъ хотѣлось его власти надо мною! Вы знаете, что мы, женщины, хотя рѣдко въ этомъ сознаемся, а любимъ зависимость отъ мужей,—мы восхищаемся ихъ силой и смѣемся въ душѣ надъ ихъ безсиліемъ!

Мы скрывали нашу связь. Наконецъ мы должны были открыться: я была беременна! Моя покровительница печально покачала головой, прижала меня къ груди, тяжело вздохнула! О, какъ я живо помню эту минуту! Мы обѣ молчали и понимали, что говорили другъ другу этимъ молчаніемъ! Мнѣ казалось, что я читаю упрекъ въ ея глазахъ,—не за любовь мою къ ея сыну, а за довѣренность къ его молодости, сожалѣніе искреннее о необходимости, неизбежности моей съ нею разлуки! По ея понятіямъ, которыхъ не могла разрушить вся доброта ея сердца, бракъ между мною и ея сыномъ былъ невозможенъ! Насъ, какъ она находила, раздѣляла цѣлая бездна, самая страшная: на одномъ краю стояла вся ничтожность моего званія, а на другомъ вся громкая и блестящая важность ея рода. Какъ ни была я молода, я поняла всю справедливость ея отверженія отъ меня! И, въ самомъ дѣлѣ, ей ли, шестьдесятъ лѣтъ проживавшей блестящую жизнь, беззаботно, почти безсмысленно, или, по крайней мѣрѣ, безотчетно, ей ли, вспоминавшей о челоуѣчествѣ только по требованіямъ моды; ей ли, гордой, неприступной, избалованной, оглушенной громкимъ богатствомъ,—достойнѣйшей, впрочемъ, женщинѣ въ своемъ кругу,—ей ли могла я напомнить о чести ея сына, о моей чести, о моей жизни, отданной ея сыну, предъ нимъ, моимъ кумиромъ, поверженной—изъ одной чистой любви, которою, быть можетъ, я думала расцѣлиться, поквитаться съ нею же, моею покровительницею, за ея благодѣянія ко мнѣ! Могла ли я сказать ей, что всю себя я принесла въ жертву ея сыну—за ея добро ко мнѣ? Могла ли я сказать ей, что я принимала въ свои объятія ея сына изъ продажныхъ объятій безстыдныхъ женщинъ, что онъ, упоенный виномъ, истомленный развратомъ, отдыхалъ въ моихъ объятіяхъ, какъ въ чистилищѣ, и въ эти страшныя минуты былъ дорогъ мнѣ, былъ милъ? Согласитесь, всего этого я не могла и не должна была сказать ей!

На другой день послѣ моего разговора съ г-жой Анненковой, разговора, который состоялъ изъ немногихъ словъ, вздоховъ и

моихъ слезъ, на другой день дворецкій госпожи моей объявилъ мнѣ, что «генеральша больше требовать меня не будетъ по причинѣ моей болѣзни, что мнѣ въ нижнемъ этажѣ дома очищены три комнаты, что приказано доктору меня пользоваться, что мнѣ всегда готовъ экипажъ для прогулокъ, дѣвушки для прислуги, и прочъ». Эта угодливость, предупредительность была для меня въ высшей степени оскорбительна. Я подумала, что иногда и лаской можно огривить все сердце! Мнѣ казалось, что меньше было бы стыдно этой женщинѣ приказать выгнать меня изъ дому, чѣмъ презрительно подавать мнѣ милостыню. — «Скажи барынѣ, — отвѣтила я дворецкому, этому доброму старику: — что, кромѣ могилы, мнѣ ничего не нужно! Даже гроба отъ нея мнѣ не нужно!» Старикъ заплакалъ, поцѣловалъ мою руку, что-то хотѣлъ сказать, — но въ эту минуту вошелъ въ мою комнату Анненковъ.

Онъ, всегда веселый, беззаботный, свѣтлый, былъ теперь и грустенъ и задумчивъ. «Полина, — сказалъ онъ мнѣ: — зачѣмъ ты плачешь? Я вѣренъ слову, ты вся моя, — если сама меня не бросишь, не отвергнешь...»

И когда съ этими словами, обнимая меня, онъ прижалъ свою руку къ моему сердцу и услышалъ въ первый разъ трепеть своего дитяти — онъ не могъ сказать ни слова, онъ заплакалъ.

Какъ онъ былъ прекрасенъ въ эту минуту! Онъ видѣлъ, зналъ, что я удалена его матерью за любовь къ нему, за дитя наше, освящавшее эту любовь; онъ чувствовалъ всю силу этого несправедливаго оскорбленія, всю неправоту матери — и ни однимъ словомъ не выразилъ онъ ей упрека ни за что. Онъ только плакалъ, стоналъ.

Онъ лежалъ на моей груди и долго плакалъ!

Потомъ отрывисто онъ говоритъ мнѣ:

«Я тебя недостойнъ!.. Я обманулъ тебя... Меня обманули!.. Я не могу утѣшить тебя... Я не твой, Полина, прости меня! Ты знала, кѣмъ я былъ увлеченъ? Вчера Пестель записалъ меня въ свою книгу — я согласился... Я погибъ для всѣхъ!..»

Онъ упалъ на колѣни; онъ цѣловалъ мои ноги. А я, — я гордо радовалась, отъ всей души восхищалась этою страшною новостью, которая убила бы всякую другую дѣвушку, сколько-нибудь самолюбивую, привязавшуюся къ имени, богатству и знатности человѣка, съ которымъ думала связать свою жизнь! Я любила Анненкова, какъ въ ваше время уже не любятъ, — тою полною, безграничною, слѣпою и безмолвною любовью, надъ которой теперь уже смѣются, любовью, которая забываетъ цѣлый міръ для сердца и, ухватившись за своего друга, тонетъ съ нимъ въ разъяренныхъ бурю волнахъ, горитъ въ огнѣ, бросается со скалы, идетъ на эшафотъ — безвинная святая — идетъ на все за жизнь или за смерть своего друга...

Я видѣла, что Анненкову было жаль меня. Я общалась ему слѣдовать за нимъ, признать себя его союзницей, участницей въ его

дѣлѣ; я была готова на площади предъ всеѣми объявить, что я требовала его участія въ мятежѣ, я думала, что плаха, съ которой упадетъ моя голова, не тронетъ моего друга, что смерть моя выкупитъ его жизнь! Это все я говорила ему, и, когда онъ, недовѣрчивый, представлялъ мнѣ, чтобъ испытать мои силы, наше будущее съ самой страшной стороны, я смѣялась надъ опасностями, которыми онъ думалъ напугать меня. Въ борьбѣ съ ними я видѣла только пріятную забаву; въ нихъ—одну соблазнительную игрушку! Вся рѣзвость, пылкость, скорость, рѣшительность, смѣлость парижанки во мнѣ пробудились въ эту минуту—и я готова была первая водрузить знамя республики у трона вашей имперіи! Я не вздохнула, я не уронила ни одной слезы въ отвѣтъ на отчаяніе моего любовника. Напротивъ. Я благословила его, обязала его хранить данное имъ обществу слово свято и твердо, я грозила ему стыдомъ, смертью за малѣйшую измѣну, за всякое къ тому покушеніе. И онъ принадлежалъ этому обществу всею душою, пока оно не превратилось въ буйное скопище малодушныхъ, слабосильныхъ, вѣтренныхъ и легковѣрныхъ союзниковъ, благоговѣвшихъ предъ волею и словомъ гордаго самолюбца Пестеля.

О, тогда я же первая извергла изъ этой шайки моего друга, сама опоясала его саблей и застегнула ему шарфъ на защиту трона, на смерть за русскаго царя!

Вскорѣ Анненкова арестовали. Во все время его заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости я его не видала.

Вы поймете, какія ужасныя мученія должна была я перенести въ это время. Отверженная, какъ преступница, какъ любодѣйка, одинокая, оставленная на произволъ судьбы, безъ малѣйшаго утѣшенія, безъ извѣстія о жизни, о судьбѣ моего друга,—я жила въ его домѣ, какъ нищій, изъ милости, какъ несчастная, которую каждую минуту могъ безнаказанно оскорбить послѣдній слуга! Часто цѣлые дни я проводила въ безчувствіи; мнѣ оказывали пособіе—изъ состраданія, какъ нищей,—и эта помощь была мнѣ непріятна, тяжела, оскорбительна! Какъ мнѣ хотѣлось тогда умереть! Какъ мнѣ хотѣлось моею смертію—не упрекнуть, а только тронуть, пробудить сердце моей благодѣтельницы ко благу ея сына! Я ничего не требовала, не искала для себя; но, предчувствуя, что ожидаетъ моего друга въ будущемъ, я хотѣла его несчастную судьбу смягчить ласкою, добротою, вѣжностью его матери. Мнѣ хотѣлось заставить ее любить сына, закованнаго въ кандалы, такъ, какъ любила она его въ первый день его рожденія!.. Вотъ все, чего я искала,—вотъ заботы, которыя наполняли всю мою душу тогда!

Въ это тяжелое и болѣзненное для меня время Богъ благословилъ меня дочерью. Прелестное дитя своимъ первымъ крикомъ возвратило меня къ жизни, которой я уже готова была пренебречь, отъ которой мнѣ хотѣлось живую лечь въ могилу. Я помирилась съ моею

судьбою, съ людьми, съ міромъ Божиимъ и молила Бога простить мнѣ дни моего отчаянія, невѣрія, изнеможенія и потери моихъ силъ. Я считала себя предъ всѣми виноватою, мнѣ казалось, что я не стою ничьего вниманія.

Разъ, когда я нянчила мое дитя, ко мнѣ вошла госпожа Анненкова. Вы можете себѣ представить, какъ я смутилась при этомъ неожиданномъ посѣщеніи; я считала себя уже давно забытою въ ея сердцѣ. Она меня обласкала, взяла на руки мою дочь, назвала ее своей внучкой и заплакала!..

Добрая женщина! Сколько чувствъ, сколько жизни въ эту минуту воскресало въ ея душѣ, безсознательно очерствѣвшей среди мірскихъ блистательныхъ суетъ вѣчно дѣятельной и самой пустой свѣтской жизни, въ которой она была властительной царицей—и въ то же время покорнѣйшей рабой! Сколько лѣтъ эта роскошная дама, эта русская барыня, эта москвичка—въ полномъ смыслѣ слова—сытая и богатая, не знала слезы—и теперь, можетъ быть, въ первый разъ роняла ее на мое дитя, дочь узника—ея несчастнаго сына! На это дитя, за рожденіе котораго, нѣсколько дней тому назадъ, она отлучила меня отъ себя, повергла меня въ отчаяніе, измѣнила своему слову, предала меня насмѣшливому суду своей дворни! И она плакала теперь надъ этимъ ребенкомъ и на своихъ собственныхъ рукахъ отнесла его въ свою великолѣпную спальню и положила въ роскошную колыбель, подлѣ которой дала мѣсто и мнѣ, растерзанной матери. Да, это дитя возвращало ее къ чести, меня къ пріюту, для котораго оставила я все родное и потеряла за любовь!

Весь рай мой былъ въ колыбели моей дочери. День и ночь я не сводила глазъ съ моей малютки: эта крошка была мила, какъ ангелъ! Но недолго мнѣ суждено было утѣшать себя этимъ счастьемъ. Меня оторвали отъ него новыя страданія—или новыя наслажденія: въ жизни моей эти два слова такъ безразличны, что всегда можно одно замѣнить другимъ! Когда я страдала—я наслаждалась; когда я наслаждалась—я страдала. Такова была моя судьба или мой характеръ—не знаю?

На дворѣ была глубокая осень, когда узнали мы, что Анненковъ переведенъ въ Петропавловскую крѣпость. Мы тогда жили на набережной—въ виду этой крѣпости. Судите, что должна я была чувствовать каждый день, каждую минуту! Мнѣ казалось, что у меня сердце разорвалось на двѣ части: одна лежала въ колыбели съ дочерью, другая была въ крѣпости съ моимъ другомъ. Вѣрите ли, что когда, измученная душевными страданіями и материнскими трудами, я засыпала на минуту, мнѣ представлялось, будто по Невѣ плаваютъ колыбель съ моею дочерью, крѣпость съ моимъ любовникомъ, а я, какъ утопающая въ волнахъ рѣки, цѣпляюсь то за колыбель, то за желѣзную рѣшетку тюремнаго окна, за которой сидѣлъ, изнуренный, блѣдный, мой несчастный другъ. Пробужденіе отъ такихъ

снова было ужасно! Мнѣ некому было высказать моихъ страданій, не было съ кѣмъ облегчить себя словами,—а плакать я не смѣла: на моихъ рукахъ былъ грудной ребенокъ. Я слабѣла съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, теряла свою молодость, но много въ этихъ страданіяхъ приобрѣтала мужественности и смѣлости. Я рѣшилась увидѣть Анненкова, проникнуть въ его тюрьму.

Это было довольно нелегко. Ночь, въ которую, по нѣкоторымъ предварительнымъ распоряженіямъ, я должна была бѣжать къ моему другу, эта ночь не была создана для любовныхъ свиданій. На дворѣ было темно, морозно, по Невѣ шелъ сильный ледъ—и всѣ сообщенія съ крѣпостью были прекращены. Вы удивляетесь не столько моей рѣшительности, сколько возможности исполненія самаго дѣла? Не сомнѣвайтесь. Я не была такъ опрометчива. Я нѣсколько недѣль ожидала назначенія караула, который общалъ мнѣ отворить крѣпостныя ворота и пропустить меня къ преступнику; а для ночного запрещеннаго перевоза черезъ Неву у меня было довольно золота, которое я сберегла отъ издержекъ моего друга.

Говорить ли вамъ, съ какою опасностью былъ сопряженъ мой переѣздъ по рѣкѣ, покрывавшейся льдомъ? Сколько нужно было искусства лодочника въ борьбѣ съ водою, застывавшей каждую минуту? Сколько тревожныхъ чувствъ волновало мою душу въ нетерпѣливомъ, мучительномъ ожиданіи? Это все вы легко поймете. А не правда ли, я въ эту минуту походила на героиню моднаго романа? Дюма, описывая мои приключенія, если бы зналъ тогда объ этомъ, могъ бы такимъ описаніемъ замѣнить не одну страницу своихъ ложныхъ вымысловъ, какими онъ оклеветалъ меня!

Меня пропустили въ крѣпость. Свиданіе наше не было восторженною встрѣчею счастливыхъ любовниковъ. Когда послѣ жаркихъ объятій мы взглянули другъ на друга, намъ представилось, будто каждый изъ насъ въ правѣ упрекнуть себя за что-то, за кого-нибудь. А между тѣмъ мы были чисты одинъ передъ другимъ, какъ голуби! Мы въ первый разъ еще стояли рядомъ отцомъ и матерью. Мы въ первый разъ поздравляли себя съ благословеннымъ плодомъ нашей любви—между тюремныхъ стѣнъ, въ которыхъ, вѣрно, въ первый разъ еще раздавалось слово любви. Въ избыткѣ чувства, для насъ обоихъ новаго, мы забылись.

Помню только одно желаніе. Я хотѣла остаться въ душной и сырой тюрьмѣ съ моимъ необвѣнчаннымъ мужемъ, за одинъ день съ нимъ я готова была отдать всю мою жизнь, и только мольбы караульнаго офицера, опасеніе за его судьбу могли оторвать меня отъ груди моего друга.

Ночь холодную, морозную, до разсвѣта я провела на берегу рѣки, покрывшейся льдомъ; на утро меня перенесли съ величайшею опасностью по этому тонкому льду. Моему возвращенію дома едва вѣрили...

Анненкова вскорѣ отвезли въ Сибирь. Въ минуту его ссылки рѣшилась и моя судьба. Я не колебалась ни въ возможности, ни въ обязанности за нимъ послѣдовать. Я готова была пѣшкомъ съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, въ крестьянской шубѣ и лаптяхъ итти въ Читѣ. И я бы не могла иначе исполнить моего святого долга, если бы негодование матери къ преступному сыну и праведный гнѣвъ императора къ несчастному подданному не измѣнились на состраданіе и милость.

Госпожа Анненкова признала мою дочь своею законною внучкою и, благословляя меня на мое дѣло, обѣщала воспитать и хранить мое дитя, какъ свое родное. Государь въ то время дѣлалъ смотръ арміи во внутренней губерніи. Безъ его соизволенія я не могла слѣдовать въ ссылку за Анненковымъ.

Я должна была прибѣгнуть къ царскому великодушію. Послѣ парада, когда императоръ сходилъ съ лошади, я упала предъ нимъ на колѣни и поднесла ему мою просьбу. Судите о величій души вашего монарха. Часъ спустя, у меня, любовницы государственнаго преступника, матери незаконнорожденной дочери, былъ, по приказанію императора, генералъ Бенкендорфъ. Словами государя объяснилъ онъ мнѣ всю опасность моей рѣшительности, всю тяжесть, непріятность, тоску жизни, ожидающей меня въ ссылкѣ, все щедрое покровительство, даруемое мнѣ императоромъ въ Россіи, и, наконецъ, передалъ мнѣ генералъ желаніе его величества, чтобы, принявъ изъ царственной руки обезпеченіе на всю жизнь, я возвратилась во Францію къ матери, къ сестрамъ. Я отказалась отъ всѣхъ милостей, я чувствовала, какъ мало была ихъ достойна, сколько было бы грѣха съ моей стороны принять милостыню изъ руки, оскорбленной моимъ любовникомъ! Я просила ссылки. Генералъ отнесъ мой отвѣтъ императору, и чрезъ нѣсколько часовъ, награжденная отъ государя пятью тысячами денегъ, я помчалась въ Сибирь—за Байкалъ. Для моей безопасности государь приказалъ курьеру проводить меня.

Въ полтора мѣсяца я пріѣхала въ Читѣ. Генералъ Лепарскій (комендантъ крѣпости), которому я предъявила мои бумаги, былъ челоуѣкъ рѣдкой доброты. За это достоинство онъ и былъ избранъ великодушнымъ императоромъ для надзора за государственными преступниками, которые подчинялись безотвѣтно его волѣ, или, лучше сказать, поручались его ангельскому сердцу. Въ выборѣ этого челоуѣка высоко выразилось все величіе безграничной любви государя къ несчастнымъ подданнымъ.

Генералъ Лепарскій принялъ меня, какъ родную, обласкалъ, утѣшилъ и помѣстилъ меня въ небольшомъ домикѣ противъ острога.

Въ день моего пріѣзда, когда онъ проводилъ меня въ эту избу, онъ сказалъ мнѣ, сажая меня у окна: «Вы сейчасъ увидите вашего жениха. Онъ теперь въ банѣ, изъ которой пройдетъ съ товари-

щами мимо васъ въ острогъ. Не пугайтесь первой встрѣчи и не торопитесь на свиданіе. Впослѣдствіи все будетъ лучше». При этихъ словахъ я услышала звонъ желѣзныхъ цѣпей подъ моими окнами. Наши преступники возвращались изъ бани въ кандалахъ, подъ карауломъ въ острогъ!..

Въ одно мгновеніе я выломала окно моей избы и изъ него бросилась на шею къ моему другу...

И онъ, и я, и многіе другіе изъ нашихъ друзей лишились чувствъ при нашемъ свиданіи...

Когда я пришла въ себя, я лежала въ острожной больницѣ. По совѣту Лепарскаго и по требованіямъ собственнаго сердца, на другой день насъ обвинчали въ томъ же острогѣ. Страшенъ былъ нашъ брачный нарядъ! Не блистали на мнѣ драгоценные алмазы, и тонкія дымчатые ткани не обвивали мою голову! Я плакала предъ алтаремъ Божиимъ не тѣми дѣвичьими слезами, какія въ такую минуту льются изъ свѣтлыхъ очей робкой невинности. Въ простомъ бѣломъ платьѣ, съ непокрытою головою, усталая, измученная тревоженіями жизни, я молила Пречистую Заступницу простить мнѣ грѣхъ предбрачной любви и не радостями освѣтить мнѣ предстоявшую печальную жизнь,—но только терпѣнія и силы послать мнѣ въ прохожденіи мною новой жизни—въ этой страшной ссылкѣ.

И не жалѣла я, что послѣ брака не ждетъ меня тотъ рай наслажденій, на который благословляетъ церковь невинную супругу. И не позавидовала я этому счастью и не могла о немъ вспомнить. Въ церкви я нашла замѣну—гордую, торжественную—этому сомнительному блаженству, котораго для меня уже не могло быть. Слушайте!

Когда насъ повели вокругъ аналоя, я услышала странный звукъ на ногахъ моего мужа; я оглянулась—ноги его были въ кандалахъ! Эти цѣпи, оковывавшія его предъ Святымъ Престоломъ Творца, предъ словомъ Божиимъ, не снятыя въ минуту великаго таинства, эта казнь человѣческая, не имѣвшая границы даже въ храмѣ христіанскомъ, это свидѣтельство о ничтожности всѣхъ заботъ человѣка слабаго предъ сильнымъ, продолжавшееся и въ этомъ мѣстѣ, и въ эту минуту,—все это наполнило вдругъ мою душу какимъ-то полнымъ, сладостнымъ спокойствіемъ, и мнѣ пришла мысль, надежда, будто небо за дѣло наше примирилось съ нами прежде, чѣмъ земля! А намъ о земномъ—грѣшно было уже и думать...

Наша первая брачная ночь была довольно оригинальна. Лепарскій для этого торжественнаго дня сдѣлалъ намъ все, что могъ. Онъ отпустилъ, подъ карауломъ, Анненкова въ мою избу. Два часовыхъ съ ружьями стояли у открытыхъ дверей моей, такъ сказать, галерной спальни, когда мы, крѣпко прижавшись другъ къ другу, на простой койкѣ, покрытой соломой, утопали въ блаженствѣ теперь уже дозволенныхъ намъ наслажденій. И не стыдились мы нисколько при-

существовавших вооруженных воинов и забылись бы мы надолго, если бы они не напомнили намъ, что до зари Анненковъ долженъ быть отведенъ въ острогъ. Я благословила моего бѣднаго друга и отпустила его, безъ малѣйшаго упрека на судьбу: мнѣ казалось, что я была счастливѣйшая женщина въ цѣломъ мірѣ!..

Вскорѣ Лепарскій, по моимъ просьбамъ, далъ и мнѣ помѣщеніе въ острогъ.

Здѣсь родилась моя Оленька. И если вы говорите искренно, что находите ее прелестной, доброй, достойной васъ, возьмите ея руку, она ваша! Но вспоминайте каждую минуту, что она дочь ссыльнаго, варнака, какъ когда-то его называли, что она родилась въ острогъ, помните это всегда, но не смѣйте никогда ей напомнить объ этомъ въ упрекъ или въ обиду: и мѣсто ея рожденія, и преступное званіе отца составляютъ всю ея огромную гордость, всю ея честь, все благо ея души. Вотъ вамъ единственный мой завѣтъ, вотъ моя первая просьба, которою касаюсь я сердца человѣка съ тѣхъ поръ, какъ я въ изгнаніи, съ тѣхъ поръ, какъ постылъ для меня весь міръ за порогомъ моей семьи! Итакъ, вы нашъ!.. ¹⁾).

III..

Одинъ изъ поэтовъ.—Памяти Пушкина.

*L'art des transports de l'âme n'est qu'un faible interprête
L'art ne fait que des vers, le coeur seul est poète!*

... Мы собрались у Анненкова. Насъ было человѣкъ шесть самыхъ близкихъ ему людей. Мы его любили, какъ друга. Намъ было у него всегда весело, пріятно. Въ его семейство не проникала скука. Душа, какъ бы тяжело ни была настроена, вблизи его всегда находила отдыхъ, утѣшеніе; въ кругу его, среди людей, прошедшихъ всѣ страшныя пытки, стяжавшихъ безропотными страданіями, безмолвною покорностью свое счастье семейное, свой домашній покой, которыхъ не мѣняли они на на какіе соблазны опостылѣвшаго для нихъ міра,—среди этихъ людей духъ освѣжался отъ чада дневныхъ заботъ, отъ тревоженій житейскихъ, вѣра оживлялась въ сердцахъ, всякая ненависть къ врагу умолкала, съ недругомъ хотѣлось примириться, предателю простить. Въ домѣ Анненкова, какъ будто въ святомъ храмѣ, замолкала мысль нечестивая, нѣмѣлъ голосъ самолюбія и гордости и отлагались отъ души тревожившія ея впечатлѣнія ежедневной, мелочной жизни, и заботы о ней казались ничтожными!

¹⁾ И. В. Погоржанскому не пришлось жепиться на дочери Анненкова, такъ какъ мать не дала ему согласія на бракъ съ дочерью ссыльнаго. В. Т.

Въ тотъ же день общество увеличилось новымъ другомъ, къ сожалѣнію, минутнымъ гостемъ. Съ нами былъ Кюхельбекеръ.

Онъ человѣкъ высокаго роста, сутуловатый, худощавый, блѣдный, изнуренный жизнью, потерями, неудачами, преслѣдовавшими его съ первыхъ дней молодости. Несмотря на слѣды болѣзней, лицо его сохранило глубокое выраженіе того спокойствія, въ которое наконецъ Провидѣніе заковало его мятежную душу послѣ жестокихъ тревоженій изнеможенія. Въ глазахъ его до сихъ поръ отражается святой огонь поэзіи, проникающей все его существо; но взоръ его задумчивъ, туманенъ, грустенъ, оттушеванъ самыми рѣзкими чертами безнадёжности.

Кюхельбекеръ воспитывался въ царскосельскомъ лицѣѣ. Онъ былъ товарищемъ Пушкина, Дельвига и до сихъ поръ хранитъ къ памяти ихъ уваженіе глубокое. Вскорѣ по окончаніи курса наукъ онъ отправился за границу, въ Парижъ: туда съ раннихъ лѣтъ стремились всѣ помыслы поэта, къ несчастью, зараженнаго болѣзнію тогдашняго печальнаго общества—пренебреженіемъ ко всему родному и слѣпымъ поклоненіемъ Западу. Кюхельбекеръ говорилъ, что ему тогда хотѣлось только подышать среди свободнаго народа. Никакая ненависть, никакія политическія затѣи и бредни не увлекали его во Францію: одна юношеская мечтательность, безотчетное влеченіе, такъ свойственныя поэтической молодости, рисовавшей его воображенію чужое небо обворожительными красками, ложное направленіе ума, еще не установившагося ни на чемъ точномъ и положительномъ, вотъ что рѣшило его первый шагъ за порогомъ школьнымъ. Путевыя письма его, напечатанныя въ «Мемнозинѣ», всего лучше свидѣлствуютъ, какъ мало поэтъ искалъ пищи въ ученomъ германскомъ мірѣ, съ какою поспѣшностью и съ какимъ неудовольствіемъ онъ оставлялъ эту страну для Франціи, отъ которой ожидала такъ многого и изъ которой, судя по тѣмъ же письмамъ, онъ вынесъ мало добраго. Онъ возвратился изъ-за границы весь проникнутый безнокойнымъ духомъ ложныхъ идей возмутительной философіи и ошибочной политики тогдашней Европы. Съ такимъ вѣрнымъ залогомъ будущей своей гибели и страшнаго соблазна для другихъ Кюхельбекеръ вступилъ въ тайное общество, которое скорѣ увидѣло въ немъ самаго ревностнаго союзника, фанатика, лидера. Вотъ почему даже и въ тогдашней буйной толпѣ строптивыхъ и дерзкихъ умовъ Кюхельбекеръ былъ тѣло замѣченъ, какъ крикунъ, какъ смѣльчакъ. Конечно, его поэтическое дарованіе привлекало къ нему восторженную молодежь: «Рогдаевы Псы» принесли ему дань рукописаній, въ гостиныхъ они были въ модѣ, въ школахъ ихъ твердили наизусть, но, несмотря на всю свою, такъ сказать, поэтическую привлекательность, Кюхельбекеръ не имѣлъ вліянія на толпу и не могъ имѣть: въ немъ не было положительнаго человѣка, онъ былъ

молодъ и всегда восторженный поэтъ, во всякія минуты жизни, на которую смотрѣлъ онъ, какъ говорить, сквозь призму вдохновенія.

Когда я короче познакомился съ Кюхельбекеромъ и заговорилъ съ нимъ о давно минувшемъ, плачевномъ событіи отечества, Кюхельбекеръ неохотно отвѣчалъ на мои вопросы. Воспоминаніе ему было непріятно, и когда я коснулся той минуты его жизни, въ которую онъ запятналъ себя предъ цѣлымъ міромъ, онъ тяжело вздохнулъ, хотѣлъ скрыть свои слезы, но не выдержалъ, зарыдалъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ мнѣ, словами поэта:

Когда бъ я зналъ,
На что я руку поднималъ...

Эти слова—голосъ глубокаго искренняго раскаянія, вызванный годами страданій, болѣзней, всего лучше опредѣлилъ мнѣ, съ какою грубою легкомысленностью дѣйствовалъ Кюхельбекеръ на постыдномъ поприщѣ, какъ онъ мало понималъ позоръ своего дѣла и какими долгими тяжелыми мученіями совѣсти онъ могъ дойти до горькаго сознанія своей вины!

Кюхельбекеръ не былъ поэтомъ самостоятельнымъ: при всемъ обиліи мыслей, чувствъ, неожиданности оборотовъ, остроуміи, ироніи, веселости и грусти, наполняющихъ его произведенія, его поэзія не имѣла исключительнаго направленія. Объ отдѣлкѣ стиха онъ слишкомъ заботился, такъ что иногда животрепещущее слово, крѣпкая мысль, громкая истина—все покрыто, какъ чешуею, риторическою фигурою, ослаблено напыщенною фразою. Вѣроятно, оттого у него и такъ мало поэтическихъ произведеній выдержанныхъ. Его историческія поэмы, при всѣхъ красотахъ поэзіи описательной, слабы, скучны, какъ сказки о герояхъ латинкахъ, колчужныхъ витязяхъ, чудовищныхъ бояцахъ, ничего не говорящія о мірѣ, въ какомъ жили тѣ герои, о человѣкѣ того міра, и поэмы его подчасъ напоминаютъ возгласы историческихъ учебниковъ... Но въ свое время такого рода поэзія, оглушительная и безцвѣтная, правилась—и даже въ наши дни у нѣкотораго класса людей можно найти поэмы Кюхельбекера, тщательно сохраняемыя въ великолѣпныхъ переплетахъ. Эти сберегатели обветшалої поэзіи убѣждены, что какъ имя Кюхельбекера не устарѣетъ, такъ не устарѣютъ и его произведенія, которые они тайкомъ хранятъ только потому, что они запечатлѣны несчастнымъ именемъ поэта. Но эти люди напоминаютъ собою тѣхъ школьниковъ, которые подъ классной лавкой читаютъ нелѣпые романы во время умной и полезной рѣчи наставника...

Кюхельбекеръ долго жилъ за Байкаломъ—въ Читѣ. Здѣсь среди мрачной, суровой, угрюмой природы образовался характеръ его поэзіи. Стихотворенія, писанныя имъ въ этомъ изгнаніи, всѣ выношены имъ въ его мученической груди, всѣ проникнуты непод-

дѣльнымъ чувствомъ глубокой скорби и согрѣты теплою вѣрою. Читая ихъ, изнемогаешь за страданія поэта и облегчаешься его же молитвами. Въ одномъ изъ такихъ стихотвореній Кюхельбекеръ описалъ тяжелую минуту своей жизни. Въ страшный ураганъ молнія сожгла крышу его избы, въ которой лежала его умирающая жена, окруженная дѣтьми. Плачъ дѣтей, его стоны, его молитвы смѣшивались съ шумомъ и раскатами грома. Все это стихотвореніе проникнуто глубокимъ чувствомъ безграничной христіанской любви и согрѣто словами прекрасной преданности Провидѣнію, утѣшительной вѣры. Въ другомъ стихотвореніи поэтъ представилъ себя спящимъ на берегу необозримаго Байкала; ему снится, будто волны выбрасываютъ передъ него тѣни разлученныхъ съ нимъ друзей: Пушкина, Дельвига, Языкова, Одоевскаго и другихъ. Каждую изъ этихъ тѣней изгнанникъ встрѣчаетъ дружескимъ, жаркимъ привѣтомъ, призываетъ ихъ къ груди своей, молить море отдать ему эти тѣни,—но разъяренное не внимлетъ его мольбамъ, бурные валы поглощаютъ въ свою пучину бездѣнные призраки; море утихаеъ, звѣздное небо смотрится въ его ясныя воды, безмолвная тишина, безотвѣтная, нѣмая, настала за бурей—и только вопли поэта, какъ плачъ Тантала, оставленнаго, осужденнаго, обрадованнаго на минуту свиданіемъ, чтобъ сильнѣе скорбѣть въ разлукѣ, прерываютъ тяжелую сонную тишь моря!

Особенно понравилось мнѣ стихотвореніе, прочитанное при насъ самимъ Кюхельбекеромъ. Онъ написалъ его незадолго до исполненія надъ нимъ судебного приговора, и потому оно, при своихъ неподдѣльныхъ достоинствахъ, получаетъ особенный интересъ. Вотъ оно:

На Бога возложу надежду.
 Не Онъ ли въ міръ меня облекъ.
 Не Онъ ли черную одежду,
 Худу и скорбь съ меня совлекъ?
 Мои враги торжествовали:
 Погибни! ихъ вѣщаль языкъ:
 Но Богъ боговъ на нихъ приникъ—
 Злодѣи въ козняхъ обнищали!
 Онъ правоту мою явилъ,
 Какъ лучъ полуденный и чистый,
 Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
 Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
 И кровомъ крылъ своихъ покрылъ!
 Десницу къ звучному органу
 Простру и воскрылюсь душой;
 Тебя, мой Боже, славить стану!
 Ты мечъ и щитъ, и панцырь мой!
 Глаголь, въ меня съ небесъ вложенный,
 Какъ громъ, промчится въ времена:
 Дивясь, умолкнуть племена;
 Свой слухъ преклонять изумленный
 Моря и долъ и вышина!

Гремите же, святыя струны!
 Воспойте Вышняго Творца,
 Раздайтесь до міровъ конца!
 Летите, звучные перуны,
 Разите гордыя сердца!

Кюхельбекеръ бѣденъ и отягощенъ большимъ семействомъ. Но не столько нищета сокрушаетъ его въ изгнаніи, какъ невозможность дать дѣтямъ въ этомъ печальномъ краѣ то образованіе, какое онъ считаетъ необходимымъ для нихъ, какъ залогъ будущаго ихъ искупленія изъ тяжелой жизни и несчастнаго званія, въ которомъ рождены они по преступленію отца; ибо и тѣ высокія правила нравственности, какія внушаетъ имъ онъ, прошедшій жизнь со всѣхъ ея сторонъ, не укоренятся прочно въ ихъ невинныхъ душахъ среди грубаго невѣжества, каменной безчувственности и незаслуженнаго отверженія къ нимъ туземцевъ... Директоръ тамошней гимназіи извѣстенъ въ городѣ за самаго безнравственнаго челоуѣка, и образованіе дѣтей ему довѣрено, какъ будто въ насмѣшку надъ образованіемъ, или, что ужаснѣе еще, въ насмѣшку надъ невинными дѣтьми!.. Невольно приходятъ на умъ слова одного писателя: «Si le roi savait!..»

IV.

Похороны князя Барятинскаго.

Въ старинной Спасской церкви, самой древней въ Tobольскѣ, собрались мы на похоронную обѣдню. Подъ темными, тяжелыми сводами стоялъ простой, необитый сосновый гробъ той прочности и красоты, какіе по контракту выполняютъ подрядчики въ заведеніяхъ приказа. Въ гробу лежалъ поселенецъ. Смерть не исказила благороднаго лица его: помертвѣвшія черты выразительно сохраняли отпечатокъ предсмертнаго вздоха: казалось, что покойникъ въ послѣднюю свою минуту съ грустью вспомнилъ о всемъ ничтожествѣ пройденной жизни и почилъ съ горькой улыбкою на свои непризванныя заботы и безплодные труды. Въ гробу лежалъ князь Барятинскій.

Я посѣтилъ князя незадолго до его кончины. Онъ жилъ за городомъ, въ развалившемся домикѣ, на мезонинѣ у кузнеца. Комнатка, которую онъ занималъ, была отвратительной нечистоты. Когда я вошелъ къ нему, я увидѣлъ на почернѣвшей стѣнѣ пару дорогихъ ружей—остатокъ его прежней роскоши; на полу грѣлся на солнышкѣ вѣрный княжескій песъ—молчаливый свидѣтель и другъ всей его жизни, сопровождавшій его и въ ссылку; въ углу избы сидѣла женщина, грустная, задумчивая, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, и печально кормила грудью младенца—плодъ незаконной любви своей къ князю. Въ большихъ вольтеровскихъ

креслахъ, передъ простымъ столомъ сидѣлъ Бяратинскій и переводилъ стихами на французскій языкъ акаѳистъ богородичный. Многолѣтняя разрушительная болѣзнь оставила на лицѣ князя непріятные слѣды. Среди блестящей молодости, одаренный рѣдкою красотою, умомъ свѣтлымъ и образованнымъ, славный древностью своего рода, богатствами вотчинъ, князь былъ арестованъ за участіе въ мятежѣ и, лишенный всѣхъ правъ состоянія, сосланъ въ каторжныя работы. На пути въ Читу его постигла болѣзнь, которая не переставала разрушать его медленнымъ ядомъ своимъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Забытый совершенно своими братьями, счастливыми царскими любимцами, не получая отъ нихъ никакого содержанія, поддерживаемый единственно милостыней своихъ несчастныхъ товарищей ссылки, князь впалъ въ отчаяніе. Во время этой сильной душевной тоски Бяратинскій полюбилъ вино и на днѣ стакана находилъ утѣшеніе. Вино распалило болѣзнь до неизлечимости. Крестьянка, съ которую князь прижилъ дочь, была имъ глубоко любима, уважаема, какъ жена. Эта простая, честная женщина своими тяжелыми трудами не только удовлетворяла требованіямъ ежедневной нужды, но утоляла и несчастную привычку князя, до того усилившуюся въ послѣднее время, что всѣ медицинскія пособія, всѣ совѣты друзей были Бяратинскимъ отвергаемы. Князь, дотолѣ преданный ученымъ занятіямъ, обогащенный величайшимъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, оставилъ свои труды и въ весьма рѣдкія минуты трезвой жизни брался за перо. Тогда пробуждавшіеся вопли изнемогающей, безсильной души выражались въ его сочиненіяхъ, которыя преимущественно были духовнаго содержанія. Посреди такихъ-то занятій совершался послѣдній кризисъ его жизни. Полумертваго, нищаго, отвезли его въ лазаретъ бѣдныхъ, гдѣ онъ умеръ на поселенческой койкѣ.

Въ церкви было немного людей, пришедшихъ помолиться за упокой души почившаго. Подлѣ гроба стояли въ глубокой молчаливой задумчивости два изгнанника, посѣдѣвшіе въ ссылкѣ. Это были баронъ Штейнгель и совѣтникъ С., когда-то секретарь тайнаго общества. Душевную усталость выражали ихъ лица; въ мутныхъ глазахъ ихъ горѣло тайное безпокойство. Оба они люди огромныхъ способностей и въ самомъ изгнаніи преслѣдуемы строгимъ надзоромъ по недовѣрчивости правительства къ ихъ уму. Подлѣ нихъ стоялъ Анненковъ, проливая горькія слезы о потерѣ друга; въ сторонѣ съ сердечнымъ умиленіемъ молили Творца о спасеніи души преставившейся Фонвизинъ и С., посвящавшіе дни свои молитвѣ; за ними были женщины: Анненкова съ дочерью и генеральша Фонвизина, державшая на рукахъ осиротѣлую дочь Бяратинскаго: надъ гробомъ стонала крестьянка-жена, подлѣ нея плакали малолѣтнія дѣти Анненкова.

Печальное пѣніе, мрачность старинной церкви, молитвенная

тишина, прерываемая рыданіями сиротѣющихъ друзей-изгнанниковъ, безсознательнымъ плачемъ ребенка, брошеннаго на произволъ судьбы, все это навѣяло тяжелую грусть мнѣ на душу, расположило меня къ мечтательности. Я задумался. Въ гробѣ лежалъ преступникъ, окончившій жизнь свою въ ссылкѣ, не прощенный земнымъ судьей, помазанникомъ Божіимъ... Какъ предстанетъ этотъ преступникъ на судъ Царя Верховнаго, заклеянный позорною печатью наказанія? Тяжелая страдальческая, болѣзненная жизнь искупила ли его грѣхъ предъ Небомъ, не выкупивъ ему прощенья на землѣ, гдѣ онъ лишенъ былъ всѣхъ правъ своего высокаго рожденія, въ утробѣ матери ему данныхъ Самимъ Богомъ, какъ талантъ многоцѣнный, котораго не умѣлъ онъ сохранить, которымъ пренебрегъ онъ?.. Но если вся его страдальческая жизнь шла объ руку съ глубокимъ, тайнымъ, безмолвнымъ раскаяніемъ; если язвы тѣла, его умертвившія, наложены мучительными воплями его души, не посѣщенной ничѣмъ милосердіемъ; если безнадежность истерзала его и къ этимъ язвамъ не прикасалась ничья рука утѣшительная,—если все это такъ,—онъ ли одинъ жалокъ въ эту минуту?.. А эти крики младенца, невинно обреченнаго на жизнь беззащитную; безпріютную, скитальческую,—къмъ будутъ услышаны, кого тронуть? Кто осмѣлится призрѣть дочь ссыльнаго? Гдѣ ей приѣжище? У порога ли храма, на церковной паперти, въ разодранномъ рубищѣ будетъ она умолять прохожаго о кускѣ насущнаго хлѣба, смачивать его слезами, благодаря Небо?.. Или, быть можетъ, ей не суждено познать высокаго блаженства нищеты, и порокъ, какъ агнца безвиннаго, сожжетъ ея нищенскую душу огнемъ позорныхъ, продажныхъ объятій?.. А въ жилахъ ея кровь княжеская—ей по крови принадлежитъ громкое, славное имя!.. Искупить ли она своимъ невольнымъ паденіемъ грѣхъ отца; кто не оскорбитъ, не оттолкнетъ ее въ этомъ паденіи, отъ котораго некому было сберечь ее, на которое привела ее неумолимая, жестокая, голодная нужда?.. Что будетъ съ нею?..

Такія мысли тѣснились въ моей головѣ, и я изнемогалъ подъ ихъ тяжестью. Между тѣмъ служба кончилась. Друзья хотѣли отнести покойника къ могилѣ; полиція отказала имъ въ этотъ желаніи. И за гробомъ нѣтъ чести для преступника. Полицейскіе сторожа подняли гробъ и предали земли брѣнное тѣло одного изъ членовъ лучшей русской фамилии. Могилу зарыли. Я остался одинъ и долго молился за отшедшую душу.

Со мною былъ одинъ свидѣтель—это вѣрный песъ князя. Онъ метался вокругъ могилы, съ воемъ разрывалъ землю. На третій день и онъ умеръ на могилѣ своего благодѣтеля.

Въ одну ночь друзья покойнаго князя водрузили собственными руками крестъ на его могилѣ.

Вотъ смерть князя Барятинскаго.

И. В. Погоржанскій.

